

ПАМЯТЬ ГАРПИИ

КСЕНИЯ ТАРГУЛЯН

Annotation

МИФ ОБ ОФРЕЕ И ЭВРИДИКЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ ЛАД
Призрак психолога ищет в аду возлюбленную, не зная, что она стала чудовищем. За гранью смерти не рай и не покой, а сумрачный мир, где души мертвых превращаются в монстров и плетут сети коварных обманов. Чужие воспоминания здесь служат пищей и валютой, несут энергию и удовольствия. Ради клочка памяти призраки готовы растерзать друг друга. Чтоб выстоять и преуспеть, герою понадобятся вся воля, отвага и хитрость, но даже их может не хватить, чтоб остаться собой.

Ксения Таргулян
Память гарпии

Ветер свистел в ушах, наполнял крылья силой. Изредка взмахивая ими, чтоб выровнять полет, гарпия планировала над призрачным архипелагом. Внизу проносились крошечные острова, зависшие над серой бездной. Каждый – клочок бывшего мира.

Наконец, окидывая просторы зорким взглядом, гарпия заметила искомое – две человеческие фигурки. Остров, где они приютились, был объят тусклым белым пламенем. Ни света, ни жара от него не шло. Этот огонь – лишь отголосок пожара, разгоревшегося в мире живых. Здесь, в Пурге, он безопасен и бесполезен.

Девушка в порванном коктейльном платье сидела голыми коленями на холодной тверди и обнимала себя за плечи. Ее тонкие обнаженные руки были запяты вьющейся сажей. Мужчина, чей модный пиджак дымился, нервозно мерил шагами остров. Оба вскинули головы, когда в небе зашумели крылья гарпии: она приземлялась. Мужчина замер, девушка, наоборот, вскочила и попятилась ему за спину.

Гарпия клацнула когтями по беззвучно пылающему паркету. Похоже, прежде чем погибнуть в пожаре, эти двое гостили на каком-то званом приеме. Впрочем, теперь это уже неважно. Гарпия окинула взглядом потенциальных жертв. Ей приказали доставить только одного призрака, так что кого-то из парочки она могла оставить невредимым.

– Вы двое! Давно знакомы?

Призраки нерешительно переглянулись, мужчина кивнул.

– Что это... за место? – спросил он испуганно.

Гарпия не собиралась тратить время на подробные объяснения. Она лишь коротко и веско бросила:

– Ад.

Насладилась произведенным эффектом.

– Но я ничего не сделала! – воскликнула девица, заламывая руки.

– Что, праведница? – гарпия саркастично рассмеялась. Звучало это как карканье воронья.

Девушка задрожала, ее лицо сморщилось от подступающих рыданий. Мужчина вдруг бережно приобнял ее за хрупкие плечи, начал утешать. Поднял ее лицо к своему, утер слёзы. Проворковал что-то едва слышно.

Эта сцена неожиданно уколола гарпию. Растрогала и разозлила одновременно.

– Довольно! – рявкнула она. – Один из вас отправляется со мной. Решайте сами кто!

– Но куда? – хрипло спросил мужчина, по-прежнему глядя девушку по волосам.

Гарпия недобро ухмыльнулась.

– Я сожру его, – соврала она для простоты. Объяснять все перипетии судьбы обреченных было не с крыла.

Призраки затихли в страхе и нерешительности. Всхлипнув, девушка подняла взгляд на мужчину.

– Ты же... вступишься за меня? – жалобно попросила она.

Мужчина облизнул губы.

– Я... конечно, я бы вступился... Но, когда я упрашивал замолвить словцо перед боссом, ты не стала.

– Что! При чем здесь это, вообще?! Она собирается сожрать нас!

– Вот именно. А ты не помогла мне даже в мелочи.

– Мои отношения с отцом не мелочь!..

Гарпия потрясенно слушала их перепалку. Жалкие трусливые душонки. Странно было ожидать чего-то другого!

Маска заботливого опекуна в считанные секунды слетела с мужчины. Девушка тоже перестала играть в невинность и теперь остервенело сыпала колкостями. Оба наперебой обвиняли друг друга, пытаясь убедить гарпию забрать другого.

Эта подлость до нелепого расстроила ее. «Ну как же так!? – хотелось крикнуть. – Вы показались мне такой красивой парой и так быстро разрушили иллюзию! Мерзавцы!»

Гнев и обида вскипели в ней быстро, как масло. Пелена ярости застелила глаза. Раскинув крылья, гарпия с хищным клекотом бросилась когтями на спорщиков. Девушка завизжала, мужчина толкнул ее вперед, выставляя живым щитом. Костяные крючья вонзились ей под шею, в сырую плоть, и вздернули в воздух. Визг сменился булькающим хрипом. Взмыв на метр, гарпия с размаху вмазала ее туловищем по краю тверди. Затем, подкинув жертву, яростным ударом отшвырнула в бездну.

Грозно поднявшись над островом, кляцнув клювом, гарпия нацелилась на второго призрака. Тот оторопел: то ли от жестокого зрелища, то ли потому что был уверен, что отделался, подставив подругу. Запоздало рванул наутек – тупица. Спикировав, гарпия повалила его на серый паркет горящего острова, оседлала, рывком перевернула лицом к себе и принялась терзать клювом. В исступлении распотрошила брюхо под модной рубашкой. Только когда тело мужчины обратилось прахом и разлетелось по ветру, гнев гарпии немного утих.

Проклятье... Она ведь должна была доставить одного из них хозяйке. Теперь придется искать новую жертву.

февраль 2018

«Забудь...» – тихим шепотом просвистел ветер.

Высокий мужчина в черном пальто вздрогнул и обернулся. Но поблизости никого не было, лишь ряды могил тянулись вдоль забора.

Голоса призраков?

Порой ему казалось, что он и сам – лишь призрак, тень прежнего себя. Даже внешне походил на мертвеца: узкое бледное лицо, серые веки, впалые щёки. Будто сошел со страниц мрачного комикса. Тяжелые полы пальто загибаются на ветру, стоячий ворот закрывает шею, на коротких темных волосах пеплом лежит снег, а в серо-голубых глазах блестит меланхолия. Он вписывался в кладбищенский пейзаж лучше корявых черных дубов.

Орфин, этот псевдоним, гибрид имени и фамилии, запал ему в душу еще в старших классах. В нём хранилось наивное желание верить, что каждый человек – неповторимая загадка. Вот только никто давно не звал его «Орфином», лишь внутренний голос. И верить в идеалы юности становилось всё сложнее.

Правда в том, что три года назад самая завораживающая из живых тайн ускользнула навеки. Ее тело нашли и предали земле, как подобает, и теперь она лежала двумя метрами ниже под мерзлым грунтом. Орфин нечасто навещал могилу, ведь это каждый раз царапало сердце. Но в трудные минуты выбора его влекло сюда, на Даниловское кладбище, и он приходил. Такая сложилась традиция.

Вот и теперь он стоял над могильной плитой с печальными датами «1995–2015» и слушал ветер. Что тот шептал?

Орфин положил цветы возле надгробия. Белые лилии почти растаяли в снегу.

– Не против моей компании?

– *О, вряд ли ты теперь мне помешаешь.*

– Ну да.

Ее голос звучал лишь в его голове, но так живо и правдоподобно, словно девушка стояла за спиной. В воображении возник ее образ: мелкий бес черных кудряшек, проницательный взгляд.

– Я не знаю, как быть, Рита. Сегодня приходила Медеш, поставила ультиматум. Не понимаю, почему она до сих пор меня не уволила, если так недовольна!

Он вспомнил образ этой властной женщины: белый костюм с узкой юбкой, короткая платиновая стрижка. Она владела «Сиянием» – элитным психологическим центром, где он работал.

Вчера вечером Медеш сидела, закинув ногу на ногу, в его же кресле и ласково, слово за слово уничтожала остатки его надежды на будущее.

– *Ты не справляешься? – ее высокий голос лоснился притворным участием. – Милый мой, не всем можно помочь простым разговором.*

– Психология – это не простые разговоры.

– Не учи меня моей специальностью, Орфолин, – сказала Медеш жестче. Она всегда звала его по фамилии. Он мог позволить себе такую роскошь только за глаза. – С этого дня ты будешь предлагать клиентам эффинол. Особенно «трудным случаям». Тебе ясно?

– Вы можете просто меня оштрафовать. Не нужно травить клиентов.

– Оштрафовать? Тебе напомнить, сколько ты уже мне должен? Орфолин, если ты не можешь вылезти из своей депрессии, я предлагаю тебе способ хотя бы вылезти из долгов!

– Я не наркодилер.

– А эффинол не наркотик, просто цветочные масла. Послушай. Раньше тебе это было не нужно, я понимаю. Ты был просто неподражаем, девчонки уходили от тебя в слезах, но всё равно возвращались. Да я могла бы распечатать магниты с твоей мордашкой, продавать и делать на этом состояние! Вот что значит природное обаяние. Но пора спуститься с небес на землю. Теперь ты как все. Думаешь, от эффинола людям будет хуже? Он не дороже, чем встречи с тобой, тоже вызывает зависимость, но, в отличие от тебя, хотя бы не заставляет рыдать.

Она посмеивалась, издевалась над ним, напоминая то время. Орфин замыкался от таких разговоров, всякий раз чувствуя, что никогда не отмоется. И всё же он упрямо повторил:

– Я справлюсь без твоих капель.

Стеклянные пузырьки с эффинолом выглядели чертовски симпатично, особенно когда сквозь них проходил свет: кристально-прозрачная красная жидкость сияла и отбрасывала яркие отблески. Еще недавно Орфин верил в безвредность препарата, но в последние месяцы всё чаще замечал неестественно блаженные улыбки на лицах клиентов «Сияния». Сиюминутно от эффинола им становилось легче. Но разве так должен помогать психолог?

Начальница поджала губы.

– Ты стал бесполезен.

– Я веду девять клиентов.

– Ведешь? Хоть кому-то из них стало лучше от ваших встреч? Послушай, – она склонилась над столом, сверкнув декольте. – Вот мой профессиональный взгляд, бесплатно. Ты прорабатываешь с их помощью собственную травму и свой драгоценный комплекс вины. Но знаешь, милый, хватит. Здесь, конечно, санаторий, но не для тебя. Ты даешь людям капли и адрес сайта. Иначе... более серьезным врачам, чем мы с тобой, придется узнать о твоём состоянии. Галлюцинации – это серьезный симптом.

– Я давно их не вижу!

Медеш приподняла тонко прочерченные брови.

– Или, возможно, полиции стоит узнать о странных обстоятельствах смерти твоей подружки?

После той встречи прошла бессонная ночь и день, полный тревог. Но даже теперь, вспоминая в десятый раз тот разговор, Орфин скрипнул зубами. Конечно, он попытался выкрутиться. Притворился покорным, решив для себя, что ни за что ей не подчинится. Что найдет выход. Но что теперь?

Эта женщина слишком хорошо знала его слабости и профессионально давила на них. Застарелое чувство вины и страх безумия. Возможно, ему правда следует приостановить практику и самому обратиться к специалисту. Но стоило Орфину представить, как он

обзванивает клиентов, отменяет сеансы и потом в одиночестве меряет шагами квартиру – как становилось тошно. Смутная надежда, что он нужен и полезен людям, держала на плаву последние три года.

Но теперь он стоял под февральским ветром, упрямо не запахивая пальто. Промозглый холод пробирал до костей, жег уши и пальцы, но это казалось... справедливым и заслуженным.

Если он сдастся, то лучше сразу лечь тут и закопаться в снег.

Что же он мог противопоставить Медеш? Ну же, думай. Может, отдать флакон на независимую экспертизу? Затем связаться с конкурентами Медеш, обменяться секретами, выдвинуть ответный ультиматум...

«Забудь...» – прозвучало вдруг отчетливей и громче. Низкий нечеловеческий голос.

У Орфина вырвался громкий выдох и вместе с ним белесое облачко пара изо рта. Только не это. Снова голоса. Он-то думал, что давно избавился от них.

Бестелесный шепот скользил по кладбищу вихрем рваных смешков. Слова напоминали звуки сминаемой бумаги.

«Отдай свои тревоги. Оставь бытое мертвецам... нам нужнее».

– Хватит... – прошептал Орфин.

Непонятно, как вообще удавалось разбирать слова в этом шуршании. Шум скрадывал и искажал всё: интонации, тембр... Совсем не похоже на голос молодой девушки. И всё же Орфин не удержался от естественного вопроса:

– Рита?..

Ветер насмешливо взметнул перья снега, и мороз проник под ребра. В грудь словно скользнул кубик льда, и солнечное сплетение заныло пустотой.

«Отчего ты так торопишься на тот свет?»

Орфин отступил на пару шагов от надгробия.

– Иди к чёрту!

«Лучше скажи, что желаешь забыть? Иначе мы заберём то, что ближе лежит».

Отчаяние затягивалось на шее. Мало того, что Медеш ему угрожает, так еще и призрачные голоса вернулись. Безнадёжно. Больше всего в мире Орфин боялся оказаться пациентом психбольницы, и никогда прежде он не был так близко к этому. Разве что сразу после смерти Риты.

Сбиваясь с шага на бег, Орфин бросился к машине. Дальше от могилы иллюзии должны отступить.

«Ну стой! Да чтоб тебе пусто было, жлоб! – рявкнул голос громче, словно шуршание фольги у самого уха. – К чему тащить такой груз? Лишняя память тебя погубит!»

Он хлопнул дверцей черного ниссана, включил зажигание. Нельзя уехать от собственных галлюцинаций, но он ничего не мог с собой поделать.

«Куда ты, дурень!?! – прошуршало вдогонку. – Ты себя-то видел? Разобьешься!» Не слушая этот бред, Орфин вдавил педаль газа.

Он уносился всё дальше от кладбища, сжимая руль мертвой хваткой, и пялился на дорогу, едва заставляя себя моргать. Сердце гулко колотилось. Голос стих, словно невидимка впрямь остался среди могил. Но его ледяное прикосновение не прошло даром – Орфин чувствовал его след как ментальную рану, дырку в мыслях. Как слово, которое вертится на языке, но не идет на ум.

Он свернул на Третье транспортное. Печка в машине работала на полную, и, благодаря

ей, ледяной комок в груди постепенно оттаивал. Наконец удалось отогреться. Дорога неслась под колесами, и белое марево липло к стеклу, так что дворники едва справлялись. Город расплывался в молочной пелене.

Навалилась жуткая усталость, веки потяжелели. Вторые сутки без сна, как-никак. Орфин старательно моргал, пытаясь взбодриться, но его снова и снова накрывало вязкой дремой. Кофеин и тяжелая музыка, бьющаяся в машине, как пульс, не помогали.

... Рита сидела справа от него – в короткой джинсовой юбке, закинув ногу на ногу и выставив пестрые колготки. Кудри вились вокруг ее лица, как дымное облако. Огни встречных фар вспышками высвечивали улыбчивое лицо, позолоченное веснушками. В темных глазах играли искорки.

– Милый, не та нота, – заявила она с убийственной уверенностью.

– Чего? – изумленно переспросил Орфин.

– Забудь.

Гул мотора эхом повторил это слово: «Забудь...»

Орфин резко обернулся и уставился на девушку. Его вдруг полоснуло ужасом.

– Ты же мертва!

– Ага! – радостно кивнула Рита и стукнула его по плечу. – Как и ты!

Она указала пальцем вперед на дорогу. Нечто громадное и неумолимое неслось прямо на них.

Орфин рывком проснулся. Машину вынесло на встречу, фары ослепили горизонт. Он отчаянно крутанул руль, но...

Удар, ливень осколков, раскаленный треск боли, а затем – пустота.

Забытое

май 2013

В гостиной играла тяжелая музыка. Черкая в блокноте соображения по новому клиенту, Орфин не сразу услышал входной звонок. Он никого не ждал, но всё же оторвался от записей и подошел посмотреть в глазок. Вместо коммивояжера или соседа под дверь стояла его эпизодическая клиентка. Сквозь кривое стекло она казалась шаржем: крона из кудрей на тонких ножках. Его не удивило, что она знает, где он живет, ведь однажды девушка уже была здесь. Но такой внезапный визит посреди ночи, без спроса и предупреждения?

Орфин открыл дверь. От Риты пахло грозой. Ее джинсы ниже колен были мокрыми насквозь, с зонта успела натечь лужа. Впрочем, судя по лицу, ливень был меньшей из ее бед. На скуле и брови девушки отпечаталась ссадина, кудри неопрятно топорщились, в глазах стояла мольба, а за спиной висела пухлая черная сумка.

– Боже...

– Мне некуда больше идти, – сказала она, оправдываясь. – Андрей, пожалуйста. Я поругалась с хозяйкой комнаты. Я завтра же найду новое жилье, но сейчас...

– Ничего себе поругалась, – он выразительно посмотрел на царапины и посторонился. – Проходи.

Закрыв за ней дверь, глубоко вдохнул влажную свежесть, которую Рита принесла с собой. Внезапная встреча разбила привычный ход вечера, и каждый миг вдруг стал чем-то

необычным и ценным.

– У тебя есть, во что переодеться?

Она кивнула, и он напомнил ей, где ванная. Пока Рита возилась там, а с зонта продолжала течь вода, Орфин бродил по собственной квартире, внезапно неприкаянный. Было ошибкой обратиться к ней на «ты». Нужно просто решить, где постелить ей. У него две комнаты: спальня и проходная гостиная с диваном, где он обычно работал с блокнотом или ноутбуком. Предложить ей этот диван, значит.

Когда Рита вышла – в плотных сиреневых колготках, мини-юбке и открытой майке – Орфин заставил себя оторвать взгляд от ее бедер и заметил синяки и кровь на руках.

– Что произошло?

– Говорю же, поссорились.

Пару секунд застенчиво постояв в коридоре, она зашла в гостиную. Орфин включил более яркий свет, твердо взял ее за кисть и повернул руку так, чтоб осмотреть повреждения. Костяшки кулака разбиты, ниже локтя содран большой лоскут кожи, словно рукой тормозили о шершавую стену или асфальт. Должно быть, очень больно, но Рита ни разу не поморщилась. Он отодвинул кудри, чтоб рассмотреть ссадины на лице. К его удивлению, девушка не возражала. Он почувствовал волнующее дуновение ее дыхания и отстранился.

– Какой вердикт, доктор? – спросила она игриво.

– Лучшие всё это обработать. Я посмотрю, что есть в аптечке.

– Я не могу позволить себе такого элитного доктора, ты же знаешь.

– Прекрати.

Он принес ватные диски, флакон с антисептиком и аккуратно промокнул ее ранки.

– Так что же вы не поделили? – задал вопрос между делом.

Рита сидела, плотно сжав губы.

– Щиплет?

– Немного. Нормально. М... Она застучала, что я держу котенка.

Не то чтобы Орфин удивился: это звучало вполне в духе Риты. Но ему были любопытны подробности, и он стал расспрашивать.

– Он уже месяц у меня жил, – Рита самодовольно ухмыльнулась, – а она только сейчас прочухала. Тогда были заморозки, помнишь, в конце марта? Он сидел совсем один, мерз и мяукал. Что мне было делать? Там его оставить? Он совсем ручной.

– А сейчас котенок где?

– Сбежал... Эта сука так разоралась – напугала его до усрачки, он весь заметался, бедный, и свалил. Я два часа его искала там, по дворам. Никого, – она покачала головой.

– Коты живучие. Он будет в порядке.

– Я завтра снова его поищу.

Закончив с антисептиком, Орфин критически осмотрел ее руки.

– Может, отвезти тебя в травмпункт? Пусть сделают рентген – убедимся, что все кости целы.

– Да целы, не кипишуй. На мне тоже, как на кошке, заживает, – девушка ухмыльнулась и закусила губу.

Между их лицами едва уместилась бы длина ладони. Они сидели рядышком на тёплом диване, совсем одни, за окном шумел ливень, и каждая секунда немого ожидания распалая глубинный огонь.

Ее вызывающий наряд, долгие взгляды, румянец и сотня скрытых от разума нюансов в движениях и голосе – словом, всё говорило Орфину: «Возьми ее! Она сама этого хочет!»

Чёрт, его влекло к этой женщине с первой минуты, как он ее увидел полгода назад. И сейчас, возможно, настойчивее, чем когда-либо.

Профессиональная этика? В эту минуту он готов был без раздумий отбросить все глупые условности. Вот только... Меньше всего хотелось, чтоб она сочла поцелуй намеком на то, что гостеприимство не задаром. Им обоим потом никогда не отделаться от этого подтекста, этих подозрений. Орфин всегда будет спрашивать себя: «Вдруг она согласилась только ради ночлега?» И презирать себя.

Поэтому он заставил себя отвернуться, встать. Налил себе холодной воды.

– Можешь оставаться, сколько потребуется, – сказал он, не глядя на гостью. – Пока не найдешь подходящее жилье. И котенка того можешь принести, если найдешь, – добавил, не успев подумать, в приступе великодушия.

... После смерти Риты тот кот, Буран, так и остался жить у него. Настоящий серый демон. Может, с Ритой он и был «ручным», но Орфина всегда дичился и кошмарил своими выходками, словно помнил хозяйку и мстил.

Он ненавидел сидеть взаперти. Стоило хоть на день перекрыть путь на улицу, и кот превращал квартиру в бедлам. Потому даже в феврале приходилось оставлять окно приоткрытым, и на подоконнике надувало сугробы.

Он лежал на холодном асфальте, и снежные хлопья, как пепел, опускались на лицо. Небо расплескалось серой акварелью. Безмятежная тишина зимней ночи.

Орфин медленно моргнул. Веки двигались тяжело, как после глубокого сна. Никакой боли. Может, из-за шока?

Поднявшись, он всмотрелся в пургу. Странно, что в таком снегопаде не нарастали сугробы. Едва коснувшись земли, снег снова взлетал и продолжал беспорядочно кружить по воздуху. Орфин поймал на ладонь несколько снежинок, но они не растаяли. Ни блеска, ни шестигранного узора. Больше похоже на пепел. Или просто лоскуты густого светло-серого дыма...

Сцена аварии едва проглядывала сквозь метель. Его несчастный ниссан, когда-то модный, а теперь искореженный, одиноко застыл поперек трассы. Фургон, сбивший его, бесследно умчал прочь.

Вспомнился скрежет металла – так резко и ярко, словно грузовик снова шел на таран. Запоздалое эхо резануло по ушам.

Чуть пошатываясь, Орфин подошел к машине. Левый бок всмятку, передняя дверца торчит, как сломанное крыло жука. В паутине белых разломов застыли кровь и волосы.

Внутри салона сквозь темноту проступали контуры передней панели, дальше виднелся руль и какая-то бесформенная масса над ними. Подушка безопасности?

Его охватило тревожное предчувствие, даже *предзнание*. Он продолжал вглядываться во тьму салона, пока не распознал под рулем скрюченные пальцы. Стоило опознать их – сложился и остальной образ. Нагромождение теней превратилось в переломанную человеческую фигуру.

Живот скрутило ужасом, но Орфин не мог оторвать взгляд от трупа. Он манил и ужасал одновременно. Это чувство родом из детства – когда ты ищешь самый темный и мерзкий угол, чтоб испытать себя на храбрость. Чтоб двигаться дальше, нужно столкнуться с кошмаром.

Орфин наклонился к пробоине в стекле и всмотрелся в сумрачное нутро. Голова лежала на сломанном руле. Грудь пробита, обломки ребер застряли во внутренностях. Дрожащей рукой Орфин потянулся к водителю, чтоб повернуть его лицом к себе.

Пальцы покалывало от напряжения. Стоило коснуться кожи мертвеца – на ощупь как бумага – и голову обручем сдавила боль. Мир вокруг рассыпался на атомы и собрался вновь. *Орфин оказался за рулем, о лобовое стекло перед ним мокрыми кляксами разбивался снег. Жизнь неслась мимо всполохами, размытыми пятнами. Он безнадежно потерял управление. Огромные фары вспыхнули впереди. Они выросли так резко, точно гигантский филин вдруг распахнул глаза. В них горело нетерпение: лети быстрее, мотылек, я жажду тебя растерзать!*

Горизонт утонул в огне фар, и лязг металла ударил по ушам. Лодыжки и колени раздробило такой болью, что по костям до самой шеи прокатился раскаленный вал. Корпус

швырнуло вперед...

Кое-как ему удалось вырваться из огня воспоминания. Он схватился за собственную грудь, за лицо, с криком отступая от машины. Боли уже не было, лишь жар и опаляющий ужас. Рой мыслей о смерти и безумии переполошил всё в голове.

Он кинулся прочь от ниссана. Но не успел пробежать и десяти шагов, как под ногами показалась расщелина, словно землю вскрыли ножом. Орфин в последний момент рухнул на колени, тормозя ладонями о белый асфальт. Он замер прямо над обрывом.

Трасса кончалась зияющей пустотой. Кусок дороги отломился, как плитка шоколада. Дрожащей рукой Орфин коснулся слома. Его неровный край уходил под углом внутрь, под асфальт. Внизу – бесконечный разреженный туман и бушующая пурга. Но так не бывает, куски города не летают просто так. Это кошмарный сон? Но как ни силился, он не мог проснуться. Да и мир вокруг выглядел слишком реальным и насыщенным деталями.

Словно делая ему уступку, плотная пелена пепла внизу расступилась, и Орфин сумел окинуть взглядом... всё. В бескрайнем небе висели десятки летающих островов. Вниз от каждого, как кабели, свисали красно-серые корни.

Он увидел и границу собственного плато – рваную угловатую линию. Она описывала неровный полукруг по шоссе и терялась в зарослях ветвистых красных коряг слева. Их толстые багровые корни петляли по острову, как пуповина.

В центре всего покоилась искореженная машина с трупом. Такое чувство, будто этот кусок земли вырвали из реальности вместе с Орфином в момент его... Слово на «с» разлетелось осколками по мыслям. Из горла вырвался рваный прерывистый звук – то ли смех, то ли рыдание.

И здесь он отныне и навеки заперт? Остался наедине с миражами, посреди бледной копии мира, который еще недавно казался неотъемлемым... Он обхватил себя за плечи, съезжившись на коленях у обрыва, под порывами холодного ветра.

Смутное чувство подкралось к нему, холодными пальцами коснулось плеча, окружило безликой толпой – и наконец сдернуло маску и с остервенением набросилось.

Потеря.

Так много вещей осталось там, за чертой! Столько важных дел и столько мелочей – неясно, о чем горевать больше. Уже полгода не говорил с отцом – и теперь никогда не успеет. На пятницу записан клиент, разведенный повар-невротик, но их беседа никогда не состоится. Что ж, зато не придется навязывать ему сомнительный препарат – этой мысли Орфин горько рассмеялся, звук взрезал тишину.

Шантажировать Медеш тоже уже не удастся. Кто знает, может, у него были бы шансы помешать ей? Пустые фантазии...

А еще он никогда больше не почувствует аромат прелой листвы и дождя, не выпьет горячего кофе, не пройдет по ночным неоновым улицам. Всё это осталось в прошлом. Жизнь завертелась в воображении калейдоскопом цветов, вкусов и запахов, коротких сценок, вспышек, образов...

Он призраком бродил по безлюдному острову, держась подальше от кровавых лоз. Время тянулось мучительно медленно. Не было ни солнца, ни звезд, чтоб отмерять его. Ни голода, ни сердцебиения, ни вечерней усталости. Он всё еще дышал, но, кажется, просто по привычке. По ощущениям, часы давно сменились днями, но сколько он провел здесь на самом деле, Орфин не знал.

Иногда ему слышался шум машин или голоса, мерещился запах бензина и далекий блеск

городских окон. Он с горечью отворачивался от этих фантомов.

Сожаления, одно горше другого, накатывали на него. Жизнь оборвалась на середине фразы, так и осталась вопросительно-недосказанной. Оглядываясь на свои решения и поступки, он ни одно не мог назвать верным. Даже лучшие годы, когда он был почти счастлив, теперь казались самообманом.

Когда-то он любил свою работу и верил, что действительно помогает людям. Теперь видел, что лишь дразнил их и делал эмоционально зависимыми. Упивался их слепой любовью. Воспоминания о том времени резали без ножа, хоть он и делал всё то неосознанно.

Интересно, кто-нибудь станет скучать по нему? Он оставил в наследство одни долги – так помянут ли его хоть одним добрым словом?

Хорошо хоть, что у него не было домашних животных – и, значит, он никого не бросил. Хотя... Он явственно помнил клочкастого серого котяру, который драл обои и метил углы. Что этот зверь делал в его квартире? От противоречивых воспоминаний Орфин пришел в смятение. В конце концов он решил, что это уличный кот заживал к нему в непогоду, а Орфин его подкармливал.

Продолжая мерить шагами остров, он заметил, что место мало-помалу меняется. Стены и асфальт лишились фактуры, стали бетонно-меловыми. Прикосновения к ним оставляли белый налет на пальцах. Остров ветшал.

Пользуясь этим, Орфин сумел выбить одну из дверей и зайти в незнакомое здание. Он испытал короткое торжество, как будто вырвался из плена. Но нутро дома обрубалось, едва начавшись. Разрез реальности шел по линолеуму, по обтертым ступеням. Вместо четвертой стены, которая бы замыкала комнату, гуляли ветра. Потолка тоже не было – над головой простиралось серое небо.

На огрызке скамьи ожидания лежала рассеченная поперек книга. От каждой строки в ней осталась лишь первая половина.

Подойдя к окну без верхней рамы, Орфин окинул взглядом остров. Опустошение и заброшенность. Люди пропали, время остановилось, и бездушный отпечаток цивилизации медленно старел на ветру. Белый, как макет из пенопласта.

Он до боли вглядывался вдаль, надеясь увидеть хоть что-то... кого-нибудь... И однажды это произошло.

К островку, на котором он застрял, приближался высокий белый смерч. Орфин ясно видел его тугой столб, который, покачиваясь, плыл через бездну. Вокруг него вращались облачные отростки.

От вихря шел тоскливый плач, словно тысяча шепотов слились в единой заунывной песне. Она пробирала до костей. Орфин непроизвольно обхватил себя за локти. Всё это ощущалось слишком реальным, чтоб принять за сон. И слишком походило на безымянный ад.

Стоны невидимых душ делались громче, и вот уже их голоса звучали мелодиями, горькими и сладкими одновременно. Как выводок сирен, они дурманили и манили к себе. Но страшней всего то, что Орфин узнал среди них тот единственный голос, который мечтал услышать и пытался забыть все последние годы. Он зажал ладонью собственный рот.

Кайма смерча уже лизала край острова, и в его облачном ореоле Орфин вдруг с ужасом распознал формы человеческих ступней и ладоней – полупрозрачные, оторванные от тел, они по спирали мчались вокруг жуткого столба. Его пробрал прерывистый истеричный смех – пробился сквозь горло и сквозь пальцы.

Неужели она там? Стала частью этого торнадо смерти?

Словно перед лицом древнего бога, Орфин замер в немом ожидании, что смерть поглотит и его.

Но тот двигался мимо острова. Лишь его белесые языки колючими порывами ветра хлестали по кровавому лесу впереди. Он начал удаляться. А Орфин пораженно уставился вслед. Тоскливая манящая песня всё еще звучала, тянулась от вихря. И дразнящий голос в ней повторял: «Как ты мог?.. Я еще жду...»

К горлу подступила вязкая горечь. Он мертв. Истек кровью в замызганном салоне разбитой машины, и никто не помянет его добрым словом. Кто он теперь? Призрак, тень... Если Рита правда там, разве имеет он право не последовать? Чем дольше Орфин вглядывался в яростный танец пурги, тем чище звучала для него эта идея.

Он бросил взгляд на собственные ладони с длинными пальцами. Чертовски легко было представить, как они отделяются от запястий и летят к вихрю, а сам он остается с аккуратно обрубленными призрачными культиями.

– Постой! – крикнул он. Но вихрь не замедлился.

Орфин стер слёзы, едва они навернулись, вышел из картонного дома и шагнул к жутким корягам, за которыми клубилась и пела метель. Он страшился подходить к ним прежде и теперь понял, что не напрасно. Огромные куски плоти тянули кверху влажные красные отростки. Высокие узловатые нагромождения из костей, кровеносных сосудов, голых мышц... Они врастали в землю и ветвились наверху, подобно деревьям. Огромные вены, цепи бело-голубых нервов и обрубки костей перетекали друг в друга, цепляясь ветвями.

Содрогнувшись от этого зрелища, Орфин всё же ступил внутрь леса, стараясь не касаться чудовищных организмов. Но шквальный плевок снега вдруг толкнул его вперед – прямо на острый костяной шип. Орфин выставил ладони перед собой, и шип вспорол ему предплечье. Рану опалило болью.

Мир наполнился шуршанием бумаг и незнакомым голосом, читавшим строки о ненависти. Едкие слова были хуже пощечин.

Он отдернул руку, и иллюзия прошла. Ветер продолжал хлестать по спине. Чтоб удержаться, Орфин вцепился в тело другого дерева – бочковидное, раздувшееся. Ладони влажно чавкнули о его поверхность. Организм заколыхался, точно жир, и *Орфина обдало вонью гнилой еды. На языке возникла горечь прогорклого масла.*

Он отдернул руки от дерева, и видение прошло, но его уже колотило от них. «Сранный, сука, ад». Но возвращаться было некуда. Он по-прежнему слышал пение и плач. Впереди за дьявольским лесом показался женский силуэт. Фигура стояла среди бури, обхватив себя руками за плечи, и ее кудри расходились вверх подобно ветвям.

– Рита!

Переждав очередную снежную трепку, Орфин бросился к ней. Оставалась пара шагов. Внезапно земля ушла из-под ног, и он ухнул вниз, слишком поздно поняв, что дальше нет острова. Пропась наступила его одновременно с прозрением. Это не женщина – просто еще один изогнутый ствол. Он очерчен так ярко, потому что крайний.

Нутро скрутило от ужаса падения. Орфин закричал, пытаясь ухватиться. Ударился коленом о мясистый корень, почти пронесся мимо, но отчаянно схватился за него, обвил локтями. Слишком слабо: его несло дальше вниз, сдирая кожу. С третьей попытки зацепился ногами – лихо качнуло в сторону, но падение наконец удалось сдержать.

Он завис над пропастью, болтаясь на извилистом корне среди десятка других. Всё тело

колотило от страха и энергии. Граница земной тверди наверху напоминала разъеденный песчаник. До нее были считанные метры – но ни за что не добраться.

Снова накатывало видение – он чувствовал это как подступающую рвоту, как черные мушки в глазах перед обмороком. Первой нотой кошмара была удушливая ярость. Затем движения – удары – он бил кого-то. Орфин пытался удержаться в своем уме, но кошмар затягивал его воронкой. *Он ударил рыжеволосую женщину. Сломал ей нос, она упала в рыданиях. «Прости! Хватит!» – кричала она, но его изводила жгучая обида, и он поднял ногу для пинка.*

Орфин вырвался на миг, но тут же соскользнул на метр ниже по корню и панически вцепился в его сужающийся конец. Видение началось сначала. *Он сжимает кулак, замахивается.*

– Эй! – донеслось сверху сквозь вязкую иллюзию. – Лезь наверх, парень!

Хрящ смещается под костяшками. Ярость застилает глаза.

Корень под Орфином вдруг закачался, и кошмар милостиво отступил. Кто-то бил палкой по основанию лозы – оттого она и шевелилась. Орфин изумленно уставился наверх. Мужчина свешивался с края острова и протягивал вниз посох.

– Ну же, парень! Давай! Я не могу тут вечно торчать! Ох...

Незнакомец начал подниматься, чтоб уйти. Ужас жарким кнутом ударил по груди.

– Стой! – крикнул Орфин. – Подожди!

– Забирайся давай!

Господи, он не представлял, как, но просто не мог упустить этот шанс. В детстве ведь он лазал по канатам? Ноги сами вспомнили правильное положение, и Орфин перехватил корень чуть выше.

Минуту назад подъем казался невозможным и бессмысленным. Но стоило наверху появиться кому-то, кто сможет помочь или хотя бы объяснить – и надежда лучше любого хлыста заставила двигаться.

Оказавшись на уровне протянутой палки, Орфин бросил правую руку на древко, но лишь ударил по нему пальцами. Инерция рывка понесла дальше, и его головокружительно закачало над бездной.

– Заберись выше, – строго велел незнакомец.

– Не могу!.. Корень слишком толстый!

– Ладно, – сверху послышалось шевеление, и посох опустился чуть ниже. – Попробуй еще раз.

Орфин сглотнул. Его трясло, и снова оторвать хоть палец от корня казалось безумием. Он медленно выдохнул, пытаясь унять панику. Ощутил движение корня под собой: вперед-назад. И, поймав его ритм, из подлета кинулся на посох. Пальцы крепко сомкнулись на нём. Мужчина потянул его наверх, и, зацепившись коленом за край земли, Орфин выкарабкался на поверхность.

Не веря своему счастью, он рухнул спиной на твердь. Острые углы впились в лопатки, но как же он был этому рад. Внутри всё бурлило и клокотало – в груди, в жилах, в самих костях. Стресс ощущался иначе, чем при жизни. Рука, которую он поранил о шип, почти зажила. На ней остался только красноватый шрам, который становился тоньше на глазах. При внешнем сходстве Орфин не носил больше привычного тела, но пока не мог понять свою новую природу.

– Вставай, – позвал новый знакомый. В своей поношенной дорожной одежде и с палкой он напоминал кочевника. – Нужно убираться отсюда.

– Я только за.

Орфин поднялся и с отвращением оттер с рук липкую кровь корней.

Он оглядел своего спасителя, пытаясь угадать по облику, кто это.

Обветренная кожа, кирпично-карие глаза, крапчатый платок на шее.

– Как ты здесь оказался? – спросил Орфин. – Это ведь... остров.

– Я бродяга, – сказал кочевник так, словно это всё объясняло. Видя непонимание в глазах Орфина, он приподнял брови. – Пилот? Гончий? – Орфин только беспомощно развел руками. – Ты только перешел, что ли? То есть, попал в этот мир.

– Ты первый, кого я тут встречаю, – уклончиво ответил Орфин, поскольку не знал, сколько времени уже провел здесь.

Мужчина понимающе кивнул.

– Раз так – соболезную. Ты ведь в курсе, что?..

– Умер? – Орфин горько рассмеялся. – Да. Трудно было не понять. Там вон мой труп – то еще зрелище.

Мужчина хмыкнул, затем пояснил:

– Отвечая на твой вопрос: я прилетел.

Орфин окинул его недоверчивым взглядом.

– М-м, крылья?

Вокруг глаз бродяги сложились веселые морщинки. Он покачал головой и безмолвно оторвался от земли. Мыски обуви почти касались бетона, и всё же он парил. Одежда развевалась, и он чуть развел руки, словно удерживая равновесие. Спустя несколько секунд беззвучно опустился.

– Так многие умеют. И тебя смогу перенести.

Он представился Алтаем, и Орфин в ответ тоже назвал прозвище. Они подошли к пустому краю плато, за которым гуляли ветра. Орфин окинул прощальным взглядом жуткий остров за спиной. Куда бы Алтай его ни вел, он был рад покинуть эту опостылевшую клетку.

Бродяга протянул руку и объяснил, как надо взяться, чтоб они смогли вместе полететь: на манер старинного рукопожатия, когда один держит запястье другого. По легенде, так убеждались, что в рукаве нет кинжала.

– Просто расслабься, – велел он.

Идея шагнуть в пустоту пробуждала первобытный страх. Они крепко взялись за руки, кочевник оттолкнулся посохом и взмыл, увлекая спутника за собой. На секунду Орфина охватила странная невесомость, словно его накачали гелием. Воздух показался мягкой подушкой.

«И всё же кто он? – подумал Орфин, изумленно глядя на штрихи снега вокруг. – Куда мы летим? И что он потребует за свою помощь?»

В следующий миг он выскользнул из потока, и беспощадная гравитация потащила вниз. Он резко повис на руке Алтай. Их занесло, раскрутило. Пурга ударила по лицу, и Орфин зажмурился. Он отчаянно цеплялся за запястье проводника. Мелькнула мысль, что надо отпустить, чтоб не тащить его за собой на дно, но он не сумел. Пальцы словно окаменели от ужаса.

Их кидало из стороны в сторону рваными рывками, ниже и ниже. Алтай что-то кричал, но в свисте ветра было не расслышать. Внезапно Орфина больно стукнули сперва по локтю, затем по кисти, сжимавшей руку Алтай. Он охнул от ужаса и разомкнул пальцы.

Падение засвистело сквозь сердце и желудок. Но оказалось кратким. Он разбил спину о бетон и гравий и остался дрожа лежать на клочке разбитой дороги – совсем маленьком, не больше одноместного гаража. Зажал ладонями лицо.

– Ты нас обоих чуть не угробил! – услышал он.

Алтай стоял на другом таком же крохотном обломке тверди. Посох грозно возвышался над ним, а песочные одежды колыхались на ветру. Лица было не разобрать во мраке.

Орфин сел на колени.

– Прости! Я... не знаю, что произошло! Я не хотел так!

– Я тебя спасаю, а ты не можешь мне минимально довериться! Вот, что произошло. Ты нарушил общий полет. Повезло еще, что здесь эти обломки!

– Я ведь не знал! Теперь я смогу!..

– Нет, – глухо отрезал Алтай.

Орфин подскочил.

– Ты не можешь меня тут бросить! Там хотя бы был целый остров – а здесь? Дай мне шанс!

– Мне очень жаль.

В голосе звучали горечь и приговор.

– Пожалуйста!

Алтай оттолкнулся, подняв волну колючего снега. Орфин вскочил ему вслед, но высокая фигура уже утонула в черноте.

– Стой! Нет!

Прыжки кочевника прочерчивали мрак широкими дугами. Он перескакивал с одного каменистого обломка на другой, взбираясь по ним словно по лестнице.

Сколько ни вглядывался, Орфин больше не видел проводника. Стоя на краю земли, он в оцепенении смотрел вдаль, на россыпь астероидов. Можно подумать, что мир наверху медленно крошился и по кусочкам оседал в бездну. К горлу подступил истерический смех.

«Я умер, – подумал Орфин, не в силах шелохнуться. – И навсегда останусь здесь».

От горького отчаяния хотелось молиться, но некому.

– Хотя бы ответь на вопросы! – крикнул он как можно громче. – Алтай!

Тишина. Что еще оставалось? Что еще...

Ближайший остров висел метрах в двадцати. Орфин сфокусировал внимание на нём. Алтай ведь прыгает как-то. Ловит потоки ветра. Он сказал, что многие так могут. Вспомнилось щекочущее чувство невесомости, возникшее в первый миг полета.

Пустота внизу зияла бесконечностью, и желудок едва не выворачивался от долгого взгляда туда.

Один-единственный шанс. Но это лучше, чем ничего. Лучше, чем гнить здесь и медленно сходить с ума.

Орфин глубоко вдохнул тяжелый сухой воздух, глядя на ребристый контур далекого острова. Нужно поймать ритм ветра. Это должно быть похоже на музыку. Словно петь с кем-то в унисон. Вдох – вперед, выдох – назад. Он прикрыл глаза и стал раскачиваться с носков на пятки. Оседлать бурю, как речную волну, и плыть, слившись всем телом с током воды. Холодный ветер студил кожу. Его порывы никак не входили в резонанс с дыханием Орфина, с его ожиданиями, но по телу бежал жар, и с каждой секундой крепла решимость к прыжку.

– Ты что вздумал, идиот!

Орфин резко распахнул глаза. На острове, куда он хотел добраться, стоял Алтай – мешковатый силуэт с посохом.

– Не пытайся, – бросил он через пропасть. – Ты не полетишь: ты не бродяга. Задавай свои вопросы, – добавил он.

Орфин медленно выдохнул. Ему удалось немного успокоиться, и теперь холодный рассудок включился в игру. «Он вернулся. Значит, ему совестно меня оставлять. И если он поможет незначительно – ответами – то следующим шагом проще будет упросить его забрать меня отсюда».

Алтай истолковал его молчание по-своему.

– Для начала успокойся, – покровительственно велел он. – Не транжирь мнему. Ты сам себя сжигаешь.

– Что?..

– Ты состоишь из воспоминаний, и прямо сейчас впустую их тратишь. Лучше сядь и дыши медленнее.

Садиться Орфин не стал, но дыхание унял. Вопросов в голове роилось слишком много.

– За что я здесь? – спросил он наконец.

– Откуда мне знать? – кочевник покачал головой. – Думаешь, после смерти наступает великая справедливость?

– Разве это не ад?

Алтай пожал одним плечом.

– Ад в глазах смотрящего, – он взял вескую паузу. – Не знаю. Мы зовем этот мир Пургой. От «Пургаториум» – Чистилище. Но это не более чем красивые слова. Никто не спускался к нам с небес и не поднимался из пучины, чтоб пояснить, что к чему. Просто некоторые люди после смерти попадают сюда.

– Так ты тоже был живым человеком?

– Конечно, – он помолчал, ожидая новых вопросов, но Орфин не спешил. И Алтай сам спросил: – Ты был верующим?

– Нет. Но я бы скорее поверил в дьявола, чем в бога.

– Мрачно... Расскажи о себе, – велел он. – Кем ты был?

«Отлично, – подумал Орфин с опасливой надеждой. – Он ведь не бросит человека с историей?»

Он коротко рассказал о своей профессии. Говорил без лжи, но держал в голове основную задачу – расположить к себе Алтая и спастись с этого обломка. Но пока он рассказывал, что-то переключилось в голове, и чувство вины захватило контроль над речью. Так часто бывало. Можно придумать сколь угодно разумный план, а потом прогореть на собственных непредсказуемых эмоциях.

– Была одна клиентка... И я, видимо, давал ей очень плохие советы. В итоге она умерла. Я и не знал, что она настолько мне дорога, пока не... Но я не хотел становиться заложником

прошлого, как отец. Я стер ее фотографии, выбросил подарки, чтоб меня не окружал ее образ! Но она возникла сама. Я видел ее в зеркалах, в незнакомцах. Дошло до того, что она являлась просто из воздуха – как призрак или галлюцинация. А теперь, здесь – я слышал ее голос в том вихре, она звала меня. Это... была она?

– Нет, это миражи. Ураган праха.

– Так значит, – Орфин вдруг воспрял духом, – я еще смогу ее здесь встретить? Раз мы оба мертвы.

– Я бы лишний раз не надеялся.

Орфин медленно опустил взгляд на гравий под ногами. Ах, да. Он ведь застрял на этом клочке суши, и шансы выбраться таяли на глазах. Как еще убеждать кочевника, он не знал. Осталось только надеяться, что тому не чужда жажда наживы.

– Я буду в огромном долгу перед тобой. Алтай, пожалуйста, не бросай меня здесь. Я заплачу, чем скажешь.

– Дело не в том, – ответил бродяга после паузы. – Если ты не доверяешь мне, далеко мы не улетим.

– Но как?.. Я ничего про тебя не знаю. Кто ты? Куда летишь? Почему спас меня?

– Резонно... Про земную жизнь я тебе не отвечу: почти ничего из нее не помню. Но здесь, в Пурге, я пилот дирижабля, на котором мы с товарищами летаем по некропилагам. Коллекционирую книги и чужие истории. Собственно, я следовал за вихрем, потому что они обычно образуются среди молодых островов, где есть чем поживиться. Тебе я помог да просто потому, что рядом оказался. Стараюсь вмешиваться, когда могу. В Пурге слишком много страданий, чтоб оставаться безучастным. Куда летим? Я бы привел тебя в наш лагерь. Там безопасно. Обещаю, я не наврежу тебе.

С этими словами он оттолкнулся посохом и прыгнул. Пролетел по изящной дуге, расплываясь в облаке помех, и приземлился в паре метров от Орфина. Бахрома его коричневых одежд плясала на ветру.

Орфин смотрел на него с боязливой надеждой. Он прислушивался к собственным ощущениям: достаточно ли сказанного для доверия? Каким бы ужасом ни веяло от плена на жалком острове, еще меньше он хотел тащить на дно человека, который его спас.

Наконец он кивнул.

– Я верю.

Вьюга подхватила их мощным потоком, и Алтай устремился вверх, правя полет посохом, как веслом. Они перепрыгивали с острова на остров, и Орфин мантрой повторял, что кочевник действительно бескорыстно ему помогает. Пурга впивалась в кожу сотней ледяных иголок.

Они миновали несколько безжизненных плато. Одно напоминало больничную палату, вырванную с мясом из бетонной плоти здания, другое было сплошь уставлено обшарпанными креслами, как зрительный зал старого кинотеатра. Третье поросло коряжистыми кровавыми стволами, и путники пролетели мимо, едва оттолкнувшись посохом от крепких деревьев.

На небольшом привале Алтай объяснил, что всё это – места недавних смертей. Попадая в Пургу, призрак притягивает с собой небольшой островок прежней реальности. Это точные, но хрупкие муляжи, и без должной заботы их быстро истачивает ветер, а в Московском некропилаге еще и пожирает цепень.

– Цепень? – переспросил Орфин. – Эти организмы, которые вызывают галлюцинации,

да?

Алтай поглядел заинтересованно.

– Что ты имеешь в виду?

Орфин без охоты пересказал видения и добавил на всякий случай:

– Это не мои воспоминания! Кроме... аварии.

Алтай задумчиво почесал бровь.

– Может, это особенность штурманов? Набат тоже говорил, что цепень штырит.

– Что?

Но он лишь покачал головой, не поясняя свой птичий язык. Они двинулись дальше и через десяток перелетов добрались до широкого плато, похожего на гостиную в богатом доме. Диваны, ковры, стеллажи с книгами и безделушками. Здесь Алтай остановился и шумно выдохнул.

– Ух, неплохо! Задержимся, хочу осмотреться. Кстати, гляди, – он повел головой вперед и вверх.

Вдали над горизонтом возвышался огромный золотисто-коричневый баллон, напоминающий летающего кита. Он был неровным, словно заплатанным, и висел под углом, но всё равно казался величественным. Тугие тросы перехватывали его, точно меридианы.

– Дирижабль?

– Эта машина старше нас с тобой, – задумчиво кивнул Алтай. – И это лучшее, что я видел после перехода. Поддерживаем ее, как можем.

Подойдя к книжному шкафу, он начал методично перебирать книги.

– Ищешь что-то конкретное?

– Хорошие книги. Знаешь... – он не оборачивался, но голос стал терпче. – По поводу твоей подруги... брось это дело, парень. Нет смысла искать ее.

– Почему? – взбудоражился Орфин. – Ты что-то знаешь о ней?

– Нет. Но, поверь, такое сплошь и рядом. Почти каждый после перехода ищет близких. Все мы кого-то потеряли, верно? Но далеко не все попадают в Пургу. И мало кто задерживается.

– Но почему? Что с остальными? И по какому принципу?..

– Да не знаю я. Слышал, что сюда попадают те, кто сам виноват в своей смерти. А может, это сказки. Но что с другими – вот уж точно без шансов это выяснить.

Алтай шумно пролистывал книги и выкидывал их за спину одну за другой. Они падали на землю обнаженными разворотами и безвозвратно мялись – маленькие бумажные трупы.

– Одни пустышки!

– Но... Ты много где бывал. Вдруг ты встречал ее? Среднего роста, черные кудрявые волосы, веснушки...

Алтай со вздохом отвернулся от шкафа и перевел усталый взгляд на Орфина.

– Начни с того, где и когда она перешла. Умерла, то есть.

– Два с половиной года назад. В Чертаново, на заброшенной стройке.

– Значит, я точно ее не видел. Мы всего месяц как вернулись в Москву, и никого под описание я здесь не встречал. И честно говоря, – добавил он, – я бы не советовал тебе тут задерживаться. Десять лет назад некропилаг был совсем другим. Подобие цивилизации. А теперь руины и запустение... Один цепень чего стоит!

– Но я...

Чтоб как-то привести в порядок мысли, Орфин тоже начал перебирать книги. Но

надписи на обложках ускользали от внимания.

– Если я всё же хочу искать ее, что бы ты посоветовал?

– Идти в Приют Искателей. Слышал, большинство московских призраков обретаются там.

Орфин спросил про это место, но подробностей Алтай не знал, сказал лишь, что это своего рода культ или церковь.

– Я в некропилаге меньше месяца, – повторил он. – Десять лет назад они были кучкой отщепенцев, а теперь практически правят городом. Выводы делай сам.

Орфин задумчиво подобрал с полки фигуру печального ангела с золочеными крыльями. Алтай поглядел на его находку настороженно и с жалостью.

– Подношение церкви, – пояснил Орфин. – Подойдет?

– Пожалуй, хотя не думаю, что оно потребуется. Знаешь, – добавил он, – я бы всё ж не советовал тебе к ним обращаться.

– А куда еще?

– Отправляйся со мной. Мы скоро покидаем Москву, так что цепня и кошмаров больше не увидишь. Думаю, ребята тебя примут. Выучись на штурмана.

– Но ведь тогда... я точно никогда не найду Риту.

Алтай молчал. Его приглашение звучало упоительно, особенно после бесконечных дней одиночества, за которые Орфин так изголодался по обыкновенному общению. Кочевник предлагал будущее, профессию и, кажется, даже дружбу. Орфин со вздохом покачал головой.

– Спасибо, правда. Но я должен попытаться ее отыскать.

– Твое право.

Одна из книг наконец привлекла внимание Орфина – городские легенды европейских столиц. Алтай принял ее и критически осмотрел.

– Я могу как-то отплатить тебе за помощь? – слова вырвались сами собой.

– Не стоит.

– Значит, – задумчиво продолжил Орфин, – мне остается только передать добро кому-то дальше.

Алтай захлопнул книгу, пронзительно глянул на Орфина и хмыкнул.

– Неплохо, – он кивнул на мятый томик и засунул его в дорожную сумку. – Я надеялся на большой улов, но что есть.

В его глазах стояла потрясающая смесь одобрения и горечи.

– Поможешь добраться до Приюта?

– Ну, тут я закончил. Так что, – он хмуро дернул плечом, – погнались.

Они взмыли в небо, и вскоре сквозь туман пурги проступали контуры острова с массивным зданием. Это плато было больше всех, мимо которых они пролетали – с целое футбольное поле. И не хранило отпечатка мира живых. Они приземлились на самом краю, возле золоченого парапета с вензелями.

– Удачи тебе в поисках, – печально улыбнулся Алтай. – Мне кажется, я мало тебе рассказал...

– Ты и так очень помог.

Алтай поглядел вдаль и внезапно выругался.

– Твою ж прахом!

Орфин проследил за его взглядом – над горизонтом виднелась черная полоса дыма.

– Не пойму, они уже затопили котел? – пробормотал кочевник. Его глаза потускнели, и

по лбу пролегли озабоченные морщины, прибавляя десяток лет.

Он сделал уже знакомые махи посохом, прощупывая воздушные потоки. Устойчивый и решительный, как локомотив.

– Ты точно не с нами? – спросил он в последний раз.

– Лети.

Алтай кивнул, тревожно вглядываясь в дым.

– Запомни вот что, – сказал он напоследок, щупая посохом воздушный поток. – Береги свою память. Больше у тебя ничего нет.

Орфин проследил за зигзагом его полета и медленно обернулся к церкви. Сильный порыв ветра вдруг сдернул завесу тумана, и Приют Искателей предстал во всём великолепии. Он напоминал гигантскую белую печь, сверкающую изразцами, и с квадратной трубой посередине. Если присмотреться, плитка оказывалась прямоугольными окнами, а труба – куполом над центральным нефом, но сходство силуэта сохранялось.

Поборов замешательство, Орфин направился к собору. На входе, как сфинксы, стояли две беломраморные статуи – юноша и девушка с безупречными лицами. Их тяжелые золотые одеяния свисали до пола, а в руках сверкали высокие тонкие копья. Даже без крыльев они походили на ангелов.

Внезапно обе фигуры повернули головы к Орфину, и его словно током ударило от неожиданности.

– Добро пожаловать в Приют Искателей Покоя, – сказали они в унисон чудесными музыкальными голосами. Под их каменными руками огромные створки ворот распахнулись легко, как картонные.

Приют порастил Орфина своим убранством. Последние дни мир вокруг был неизменно серым и обветшалым, словно слепленным из пыли. Здесь же всё сверкало чистотой и золотом – немыслимо помпезное, но завораживающее. Широкие витые колонны, просторный свод купола, безупречно гладкие стены. Подобно средневековым церквям, что высятся над грязными лачугами и потрясают светом витражей – этот собор так же манил к себе и подавлял великолепием.

Сейчас в нём шла служба, главный зал полнился прихожанами в белых одеждах. Орфин и не надеялся встретить тут так много призраков. Он даже вздохнул с облегчением. «Алтай не обманул: если где и искать Риту, то здесь».

Из глубины зала, с возвышения, напоминавшего скорее сцену, чем амвон, лилась мягкая музыка.

Туда в сопровождении двух призраков-статуй поднялся высокий юноша и развернулся к залу. Четверо служителей в плотных льняных туниках воздели руки, и пурга тугими потоками устремилась следом. Повинуясь движениям их пальцев, она начала кружить вокруг головы юноши, уплотняясь, формируя невесомые нити, сплетаясь в облачный венчик. Синхронный взмах – и он, засверкав золотом, обратился ровным металлическим обручем, который лег на волосы, напоминая и корону, и нимб. Орфин потрясенно наблюдал за этим действием.

Позади юноши встал некто в широком черно-золотом балахоне и раскинул руки. Сверху, заглушая музыку, раздался гулкий теплый голос.

– Сегодня, дети мои, еще одна достойная душа отыщет светлый удел. Да отринешь ты отголоски Бытого и примешь покой, о смиренный Искатель.

Орфин поднял взгляд в поисках говорившего. По периметру зала шел внутренний балкон с балюстрадой – на нём, прямо над сценой, возвышалась гора красной ткани. Лишь приглядевшись, Орфин понял, что это и есть священник. Казалось, такой человек должен весить полтонны.

– Настала пора завершить твою коду, – прогудел он. – Объятыя Всевышнего распахнутся пред тобой, и ты вознесешься, позабыв земные горечи.

Юноша и фигура за ним медленно поднимали руки, а музыка становилась всё громче и напряженней. Орфин подался вперед, замороженный. В глубине сцены он заметил массивные песочные часы, по которым струилась мерцающая жидкость. Как только последние капли света перетекли в нижний сосуд, сцена озарилась.

– Пусть страдания твои канут, – провозгласил священник, – ибо время, отведенное им, не вечно.

Часы повернулись, и брызги окропили коленопреклоненного. В тот же миг юноша вдруг вспыхнул и обратился сонмом невесомых искр, которые устремились в небо сквозь круглое окно в вершине купола. По зрителям пронесся вздох восхищения, да и Орфин не сдержал изумленного возгласа. Человек в черно-золотом балахоне плавно взмахнул руками, и все

запели – нестройно, но воодушевленно. Они восхваляли покой и прощались с тем, кто благополучно их покинул.

Дыхание участилось, мысли путались, и Орфин не мог понять, что видел только что. Неужели смерть может быть настолько прекрасной?

Пение паствы сменилось искусным хоралом из боковых ниш. Священник в красном воззвал:

– Ступайте вперед, о печальные души. Теперь время каждому из вас на шаг приблизиться к покою.

Призраки медленно потянулись к помосту. Орфин оказался зажат внутри толпы, которая, шаркая ногами, зачаровано продвигалась вперед. С одинаковыми неподвижными улыбками все смотрели на сцену и мерно покачивались. На вопросы Орфина никто не реагировал. От их безразличия по спине побежали мурашки.

Он был достаточно высоким, чтоб разглядеть, что происходит возле сцены. Это напоминало причастие. Люди по одному подходили к служителю в черном, который поил их чем-то и пальцем касался лбов.

Орфин напомнил себе о цели, с которой сюда пришел. Теперь, когда мистерия кончилась, он наконец мог сосредоточиться на поисках Риты. В этом зале собралось несколько сотен молчаливых душ, но он не мог охватить всех взглядом. Нужна была точка обзора получше. Балкон, идущий сверху кольцом, как театральная ложа, отлично подходил.

Орфин протолкался сквозь людское море к винтовой лестнице, скрытой среди вензелей. Вход на нее был закрыт узкой кованой дверцей, запертой на щеколду. Просунув пальцы между золотыми кружевами и отодвинув ее, он скользнул наверх. На втором этаже оказалось сумрачно, и хор звучал глуше. Но не успел он пройти и десятка шагов, как...

– Твое место внизу, – прозвучал бесстрастный, почти бесполой голос.

Орфин вздрогнул от неожиданности. Говорил юноша с кукольным фарфоровым лицом. Золотая мантия и пика при нём. Страж, каких хватало по всему Приюту. Они, как статуи, дежурили на каждом повороте, у каждой двери – безупречные хранители покоя.

– Я... – начал оправдываться Орфин, – просто хотел взглянуть вниз с балкона. Я ищу знакомую. Для этого мне нужно увидеть всех, кто в зале, понимаете? Это займет пять минут.

– Спускайся. Ты должен заплатить десятину на причастии.

– Какую еще десятину? Мне просто нужно...

– Иди вниз.

Двое других стражей сдвинулись с места и шагнули к нему. Их идеальные юные лица не выражали эмоций. Орфин растерялся, переводя взгляд с одного на другого, а они повторяли заученные реплики и неуклонно теснили его к лестнице.

– Не будьте слишком строги, дети мои, – вдруг велел густой обволакивающий голос за спинами стражей. – Пусть подойдет ко мне.

Стражи расступились мгновенно. В конце коридора Орфин увидел алую глыбу священника, чей голос направлял службу. Здесь, в сумрачном коридоре, занимая весь проход, он выглядел весьма устрашающе.

– Я слышал, ты хочешь оглядеть зал, дитя? Идем. Я частенько наблюдаю за мессами и знаю, откуда смотреть.

подавив внезапную робость, Орфин поспешил к нему. Священник назвался настоятелем Лукрецием и ласково улыбнулся ему. Орфин представил, как они смотрятся со стороны – массивная фигура в красном, за которой едва поспевают тощий хлыщ в пыльно-черном

пальто. Вскоре они вышли в пятно света, падающего из отверстия в потолке. Теперь провожатый не казался таким огромным – не великан, а упитанный дядюшка в красном халате. Его оплывшее лицо с бусинами глаз излучало благодущие. Ступал он величественно и неспешно.

Жемчужно-белые коридоры ветвились и петляли. По настенным желобам сочился жидкий свет. Отовсюду доносился перезвон стеклянных занавесей – здание словно дышало этим звуком. Все проходы были занавешены нитями из бусин, и любое движение сквозь них сопровождалось мелодичным звоном.

По пути настоятель завел мягкий участливый разговор. Как, мол, ты себя чувствуешь в Приюте, сумел ли ощутить покой за проведенные здесь повороты часов. Наконец они вышли на балкон, откуда и впрямь открывался отличный обзор. Орфин прильнул к балюстраде, шаря взглядом по головам, перескакивая от одной черной макушки к другой. Он всматривался так отчаянно, что поплыло перед глазами. На миг вместо вялой толпы он увидел всполохи ярких цветов, пульсирующих в ритмичном движении. Зажмурившись, мотнул головой, и всё вернулось в норму.

– Я понимаю твою тоску, дитя, – сказал Лукреций, опуская массивные локти на парапет рядом с Орфином. – Многие надеялись отыскать в Пургаториуме ушедших близких. Но никому не удалось. Память – лишь источник мучений. Не держись за нее так крепко.

Пару раз Орфину мерещилось, что он выхватил похожее лицо, но нет, всякий раз это оказывалась не она.

– Все эти ребята, – Орфин кивнул вниз, – они как раз отказались от памяти, да?

– Они приобрели нечто большее. Покой.

Всё больше прихожан, причастившись, таяло в темноте коридоров за колоннами. Риты здесь не было.

– Думаю, я пока не готов к такому, – ответил Орфин после затянувшейся паузы.

– Понимаю, – Лукреций кивнул. – Никто не просит тебя отречься от всех воспоминаний разом. Как и все, ты должен готовиться к Вознесению поэтапно. Что ж... – священник тоже смотрел, как медленно убывает толпа, – кажется, вот-вот настанет твой черед причаститься, дитя. Но прежде, возможно, ты хочешь спросить о чем-то?

Орфин кивнул и описал внешность Риты.

– Среди ваших прихожан когда-нибудь была такая девушка?

– Ты должен оставить эти тщетные поиски, – назидательно произнес Лукреций.

– Вы не ответили на вопрос... отче.

– Под твоё описание попадают десятки. Однако сомневаюсь, что я видел твою подругу.

А теперь – ступай...

– Пойдите, у меня есть еще вопросы, – перебил Орфин. – Что произошло с парнем на сцене? Как те другие сделали ему венец? А вот эти, – он быстро кивнул на призраков-статуй, – они вообще люди?

Отец Лукреций поднял ладонь, прежде чем Орфин успел продолжить, и гулко от души засмеялся.

– Вижу, ты совсем недавно среди нас. Тебе предстоит долгий путь, но мы поможем и поддержим. Сегодня ты видел чудо Вознесения: душа того юноши отыскала покой и свет – к тому мы все стремимся. Венец для него сплели наши зодчие – в том их дар и талант: пурга покорна их рукам. И разумеется, стражи Приюта – такие же блуждающие души, как ты и как все, разве что немного крепче и сильнее. В том их талант. А теперь, – повторил он тверже, –

ступай вниз. Передай исповедарю, отцу Геласию, что желаешь заплатить десятину.

– Что это значит?

– Обыкновенный обряд для прихожан Приюта. Не страшись, тебе станет легче после этого.

– Я мог бы заплатить сразу вам, отче, без посредников, – с этими словами Орфин достал на свет статуэтку ангела и протянул священнику.

Тот принял ее с умилением. В его руках фигурка терялась, как детская игрушка.

– Какая занимательная вещица. Но нет, дитя, обряд не терпит изменений.

– Но чем мне тогда платить?

Лукреций загадочно улыбнулся.

– Послушайте, я же сказал, что не готов отдавать память.

– Отец Геласий заберет лишь толику в уплату за нашу защиту и заботу.

От разговора становилось всё тревожней. В ушах эхом звучало напутствие Алтая беречь память.

– Я был на острове, где таких фигурок десятки, – предпринял новую попытку Орфин. – Они бы так подошли Приюту...

– Это лишь хрупкий отголосок Бытого, дитя; безделица, что канет на повороте часов.

Лукреций поднял ангела на высоту собственного лица и мощно дунул на него. Верхний слой статуэтки разлетелся крупинками и пылью – остался только остов, похожий на окаменелый скелет. Орфин потрясенно моргнул и отступил на шаг от балюстрады.

– Отче, – раз трюк с подарком не удался, придется говорить напрямик. – Простите, если ввел вас в заблуждение. Но мне не нужны ни забота, ни покой. Я искал конкретного человека, и если ее здесь нет и не было – то я отправлюсь своей дорогой. Мне незачем оставаться, и я не собираюсь вступать в ряды Приюта.

– Шагнув под крышу собора, ты уже стал одним из нас.

Отец Лукреций вновь нависал над ним грозным великаном. Казалось, он способен раздавить череп в кулаке.

– То есть вы даже?.. – Орфин облизнул губы, спиной чувствуя присутствие стражей позади. – Зачем я вам? Разве?..

– Довольно, дитя, – гулко оборвал его Лукреций. Он казался настолько огромным, что было странно, как край балкона не проламывается под ним. – Не заставляй отца Геласия ждать. Ступай вниз и не нарушай больше наш распорядок. Я понаблюдаю за тобой.

– Пожалуйста, просто дайте мне время! Я ведь всё равно никак не сбегу.

Лукреций легонько повел рукой, и позади Орфина раздались тяжелые шаги. Рука, твердая, как камень, коснулась его чуть выше локтя.

– Я иду, я сам, – быстро сказал он, разворачиваясь.

Двое призраков-статуй сопровождали его вниз по лестнице. Священник в черно-золотой рясе, служивший мессу и касавшийся лбов, успел спуститься со сцены. Его лицо было скрыто низким капюшоном, отчего он напоминал Смерть со средневековых гравюр.

Орфин судорожно огляделся, но всюду были стражи. Он заставил себя сделать пару шагов в сторону жнеца. Чёрт! Причастие выглядело невинно со стороны, но эти пустые взгляды... Чем здесь опаивают?

– Не бойся, дитя! – донеслись сверху слова Лукреция. – Отец Геласий, возьмите с нашего нового друга десятину и не скупитесь на лету.

Священник приподнял небольшую чарку с мерцающей жидкостью, напоминавшей

ртуть. От нее шел сильный сладкий запах.

– Что это?

– Обезболивающее, – ответил Геласий тихо и бесстрастно, с щепоткой иронии.

Не решаясь прямо отказаться от напитка, Орфин принял чарку и поднял ее ко рту. Надо как-то хитро разлить жидкость, чтоб священники поверили, что он выпил. Но стоило сосуду оказаться под носом, как Орфина разморило от запаха. Мерцающий пар нес в себе приторно-химический аромат ванили, от которого воля таяла. Он опрокинул дурман в себя, как шот. В первый миг напиток напомнил очень крепкий ликер, но, вместо того чтоб обжечь гортань, он обволок ее медом.

Из широкого черного рукава отца Геласия показались тощие пальцы. Он на несколько секунд коснулся лба Орфина, убрал руку, и его капюшон качнулся в кивке.

– Вот и всё, – огласил настоятель с балкона. – И нечего было бояться, правда?

Его голос звучал замедленно.

Вся церковь окрасилась в солнечно-янтарные оттенки.

Орфин пытался напомнить себе, что подвергся воздействию какого-то... вещества... но по телу разлилась такая приятная ленивая тяжесть, такое полуденное расслабление, что мысли текли всё медленнее, почти не превращаясь в слова.

Он побрел, куда велели. Сонно отодвинул полог из стеклянных бус и повалился на белооблачные подушки. Под потолком вился дым, складываясь в причудливые образы. Казалось, целые мифы бурлят в золотистых испарениях. Они ускользали, но оставалось теплое чувство, похожее на ласковые объятия матери.

Забытое

2001

В этом месяце он хотел, чтоб все звали его Энди. Но соглашались на это только новые знакомые.

Сегодня он впервые праздновал Новый год не дома и был почти счастлив по этому поводу. В гостях у приятеля было много детей – шумно и весело. Гораздо лучше, чем дома. Но к одиннадцати всех стали забирать родители. Хозяйка беспокойно смотрела на Энди и спрашивала, когда за ним зайдут. Мальчик закусил губу и медленно поднял взгляд.

– Мой папа всегда очень пьет на Новый год, – соврал он. – М-можно я останусь у вас?

Глаза женщины наполнились возмущением и жалостью.

– Он обижает тебя?

– Да... то есть нет, – заметался Энди. – Он просто очень грустит по маме. Можно я, пожалуйста, останусь у вас?

– Да-да, конечно. Я постелю тебе в гостиной.

Сын хозяйки подслушивал этот разговор и смотрел на Энди исподлобья. Когда его мама ушла, он поднял руку и покрутил пальцем у виска. Энди показал ему средний палец.

На самом деле он даже хотел бы, чтоб отец напивался раз в год на Новогоднюю ночь, а остальное время был нормальным. Но он всегда был... помешанным. С тех пор как маму положили в больницу, он тоже словно исчез, по крайней мере для старшего сына. Вернуться сейчас домой означало снова слушать бесконечное тиканье часов и смотреть, как отец расчесывает и нянчит сестру.

За полночь он сидел на застеленном диване в чужой гостиной и смотрел на всполохи салютов за окном. Он лег и попытался заснуть. Далекий уличный шум ему не мешал, но вот часы... Они висели прямо над дверью – массивные, как охотничий трофей – и невыносимо тикали. Энди свернулся на боку, спрятал голову под подушкой и зажал ею ухо, но всё равно слышал этот звук. Как обратный отсчет бомбы.

В два пятнадцать он поднялся, подтащил кресло к двери, взобрался, снял проклятые часы и швырнул их через комнату. Они разбились с ужасным грохотом, и его тут же охватил ужас, ведь он был в гостях. Теперь его накажут.

Энди заметался, выбежал в коридор, услышал возню в спальне взрослых. Он быстро обулся, схватил куртку и бросился вон из квартиры.

Несколько минут он просто бежал прочь по оживленным праздничным улицам. Здесь смеялись пьяные компании, и было довольно холодно. Куда идти? Он подумал, что лучше всю ночь тут промерзнет, чем вернется домой или в гости. А потом нашел идею получше. Он пойдет к своей маме. Когда, если не сейчас.

Уши вскоре занули от холода, но он упорно шел к больнице, сторонясь особо пьяных встречных.

И вот грязно-желтое здание показалось за поворотом. Его окружал забор, но Энди легко протиснулся между прутьями. Двор почти не освещался. Робя, мальчик подошел к дверям и дернул, но они были заперты. Он стучал и ломился, пока ему не открыл сторож – невысокий толстый дядька с жидкими седыми волосами.

– Ты что здесь делаешь, мальчик? С колясками, что ли, спутал?

– Я хочу повидаться с мамой, – упрямо заявил Энди.

– Так не приемные часы ведь. Ночь – ты чего удумал!

– Сегодня Новый год! Я должен с ней встретиться! Ну пустите, пожалуйста!

– Ты что же, один пришел?

– Мне можно! Папа разрешил.

Несколько секунд сторож оценивающе смотрел на него.

– Ну проходи, – сказал он добрее. – И где будем искать твою маму?

Энди назвал ее имя. Отделения он не знал. Сторож взял его за руку и повел к регистрационной книге и дальше по коридорам вглубь лечебницы. Ладонь у него была потной.

На тускло освещенных стенах многолетними слоями бугрилась штукатурка. Пучки проводов тянулись по углам. В одном из поворотов стоял запах мочи, в другом слышался приглушенный плач. Чем дальше они шли, тем больший ужас овладевал Энди. Он был храбрым мальчиком. Облазил все стены на заброшенной стройке, не боялся ни пауков, ни собак, ни контрольных. Но от коридоров психбольницы скручивало живот. Он плотнее стиснул зубы, чтоб обмануть собственный страх.

Наконец Энди увидел дверь с нужным номером и рванул к ней, выскользнув из пальцев сторожа. Он подергал ручку, но было заперто.

– Да что же ты вытворяешь? – возмутился сторож. – Я думал, ты рассудительный мальчик. Ну, не шуми.

Он щелкнул ключами, и Энди увидел темную палату с четырьмя койками. Мама сидела на одной из них.

В темноте она напомнила ему привидение – большие впалые глазницы, спутанные волны русских волос. Она всё равно была красивой, и Энди готов был кинуться к ней, но...

Мама смотрела на него неодобрительно и холодно. Поэтому он подошел медленно и замер возле ее кровати.

– П-привет, – робко сказал он. – С Новым годом?

– И тебя, – ответила мама удивленно, словно и забыла про праздник. – Кто ты, мальчик?

Смысл ее слов не сразу дошел до него. Он улыбнулся, пытаясь сдержать жгучие слёзы.

– Это же я, мам. Андрей...

Он подшагнул еще ближе. Вдруг она не разглядела его лица? Но мама смотрела отстраненно.

– Мой Андрюша? Нет, он же совсем кроха, – она улыбнулась, как будто заглянув в себя. – И волосики у него светлые.

– Так они... потемнели... Мама, это я! – крикнул он.

Другая женщина в палате внезапно заговорила. Ее речь, как витки проволоки, опутывала разум. «Они всегда так говорят... Они всегда так говорят...»

Энди начал задыхаться от подступившего к горлу рыдания. Он хотел перекричать эту сумасшедшую, но слова застряли. Марево перед глазами размазало все черты. Он рыдал, вцепившись в простыни, пока чьи-то крупные руки не отволокли его.

Он просто хотел хоть каплю тепла, хоть каплю узнавания от нее. Но мама оказывалась всё дальше. Кто-то тащил его по сумрачным коридорам. На несколько безумных минут он уверился, что его тоже сочтут сумасшедшим, сотрут память и запрут здесь навсегда. Но дежурный врач лишь дала ему сладкого чая и попыталась – безуспешно – заверить, что в больнице маме становится лучше.

В ту ночь он не думал о своем будущем. Но, взрослея, вспоминал ее вновь и вновь.

Глава 5. Сцилла и Харибда

«Чудовища, меж коих не пройти»

Испив лету и заплатив десятину, призрак отныне дышал, мыслил и двигался в одном ритме с сотнями других прихожан. Такое единение завораживало. Казалось, где-то в глубинах Приюта бьется огромное сердце, общее на всех. Его медленный пульс управлял посмертиями, незыблемый и священный. Каждый удар – поворот стеклянных часов на амвоне.

Одна месса сменялась другой, и всякий раз призрак с упоением глотал мерцающий напиток, и сухие старческие пальцы чиркали его по лбу. Затем, до следующей мессы, он помогал Приюту возводить мост. Призраки-бродяги в атласных накидках переправляли искателей на соседний остров, где шло строительство, а затем возвращали их обратно. Призраки-статуи сносили мощными ударами старые постройки, а зодчие лепили из пурги каркас моста. Задача прочих была проста: собирать обломки ветхих зданий-отголосков и скидывать вниз, в бездну.

Поднять кусок бетонной плиты... подтащить к краю... столкнуть... искать новый обломок... В ушах теплая музыка, на сердце счастье.

Пока эту сладкую безмятежность не взрезал крик в вышине. Мучительный протяжный вопль, переходящий в плач, в хриплый вой.

Тот, кто раньше звал себя Орфином, поднял взгляд, удерживая на весу тяжелый блок тусклых кирпичей. Оцепенение спадало не быстро.

В небе над островом зависла гигантская птица, похожая на орла. Она удерживала в когтях белобрысого бродягу и длинным клювом вырывала внутренности из его живота. Казалось, он кричал дольше, чем смог бы на его месте живой человек. Тишина настала лишь тогда, когда его тело рассыпалось прахом прямо в хищной хватке. Птица с клекотом описала вираж и, выставив когти, понеслась за новой жертвой. Ее перья, как лезвия, рассекали воздух, а лапы скользили над головами призраков в бреющем полете.

Страх опалил разум Орфина, выжигая остатки дурмана. Он резко рухнул на землю, уходя от чудовищных когтей. Подцепив за плечи другого призрака, птица вздернула несчастного ввысь, и воздух снова вспороли вопли боли.

Остров охватила паника. Пробуждаясь от транса, рабочие бросались кто куда, но здесь не осталось бродяг, способных унести их в безопасность. Только пара стражей, которые... Стоило Орфину глянуть на них, как он понял, что птица была только началом. Из груди одного торчало раздвоенное лезвие, и он заваливался на спину. Возле второго размашисто приземлилась пара чужаков в кожаных безрукавках. Страж замахнулся копьем, но налетчики быстро ударили его булавой по затылку, подхватили за ноги и вышвырнули за край острова, как тряпичную куклу.

Шайка бандитов оглашала небо хохотом и боевыми кличами. У одного по руке шла черная вязь татуировок, другой носил байкерский шлем, третий – налокотники с блестящими шипами. Они подхватывали призраков и волокли их в туманное небо. Избивали тех, кто пришел в сознание, а затем всех швыряли в металлическую сеть, подвешенную к остовам

зданий. Ее центр провис почти до земли от груза тел. Над всем этим носилась чудовищная птица – она бросалась на прихожан, хватала их одного за другим, как беззащитных мышек, поднимала на несколько метров ввысь и терзала.

В ушах оглушительно гремело от страха. Горстка душ на клочке мертвой земли против целого выводка бандитов с ручным монстром? Они обречены.

Орфин заставил себя отвести взгляд от бойни и дышать. Холодные шершавые крупинки пурги царапали гортань. «Сосредоточься. Не сдавайся, не паникуй. Это еще не конец».

Двое бандитов кинулись на зодчего слева от него. Тот тщетно пытался отбиваться. Весь остров тонул в белесом тумане, который взметнула схватка. Подскочив с земли, Орфин бросился прочь, надеясь, что его не заметят в этом мареве. Бесформенная роба путалась в ногах.

Впереди сквозь завесу пыли проступил фасад – полуразрушенный осколок старого мира. В нём должны найтись ниша или укрытие...

Но тут за спиной послышался вкрадчивый шорох перьев. Орфин обернулся, опаленный страхом, и увидел в белой мгле фигуру – разом птицу и человека. Она ступала на двух длинных ногах, по-женски покачивая бедрами. Над грозным клювом желтым огнем горели треугольники глаз, а за спиной нависали массивные крылья. Их край напоминал лохмотья.

Орфин вжался в шершавую стену. Гарпия надвигалась, высматривая добычу в пелене. Должно быть, она заметила его рывок, и, как всякий хищник, среагировала на резкое движение. Всё, что оставалось теперь – замереть и молиться...

Снаряд размером с человеческую голову прочертил завесу пурги и тяжело рухнул перед ногами гарпии. Бетонные ядра засвистели над островом. Женщина-птица оцетинилась и яростно заклекотала. Следом за обстрелом с церковного острова понеслись стражи и миссионеры. Наконечники копий сверкнули во мгле.

Гарпия широко распахнула крылья и ринулась в воздух. Ее запоздало задел снаряд, но почти не нарушил полета. Подцепив когтями сеть с десятком пленников, она скрылась в сером небе следом за остальной шайкой.

Орфин дрожа сполз по стене на асфальт. Всё произошло так быстро, что он не успел осознать... Вокруг звучали взволнованные голоса. Один из зодчих донимал священников вопросами.

– Не тревожьтесь! – велел настоятель – он тоже прибыл на новый остров. – В следующий раз фантомам не застать нас врасплох! Пронырливые душегубы воспользовались моментом, краткой брешью в обороне. Но такого не повторится, мы усилим охрану нового острова. На повороте часов мы оплачем всех, кто сгинул по их вине. А вас, несчастные дети, вернем в юдоль покоя.

Вокруг царила суматоха. Служители пытались подсчитать убытки и собирали спасенных работников. Их было порядка дюжины – бедняги плакали, возмущались, благодарили... Было что-то щемяще-волнительное в том, чтоб видеть чувства на лицах окружающих. Когда последний раз Орфин замечал чужие эмоции? Он понятия не имел, сколько провел в Приюте среди бесстрастных теней.

– Леты, – хрипло повторяла раненая женщина, зажимая плечо, – дайте же мне леты!

Орфина тоже до сих пор потряхивало, и перед глазами стоял образ жуткой птицы.

Одного за другим бродяги вернули уцелевших на главный остров. От белых стен Приюта исходил убаюкивающий перезвон. Вот он – надежный оплот покоя, шанс вернуться в утробу безмятежности. Вновь отказаться от всех забот.

Вздвогнув, Орфин стяхнул с себя эти мысли. Подумать только! Как легко он поддался дурману.

Украдкой осмотревшись, он приметил группу прихожан, счищающих цепень с кромки острова. Медленно отступая от стражей и священников, он примкнул к этим работягам, одетым точно как он – в грубые льняные балахоны. Придав лицу бессмысленное выражение, он сделал вид, что присоединился к их монотонной работе. Трюк удался: служители выпустили его из виду и увели спасенных на новую дурманящую мессу без него.

Только теперь Орфин смог немного расслабиться. Шок отступал, и мало-помалу он заново осознал себя, вылавливая личность из омота страхов и снов. Он понял две пугающие истины. Во-первых, парадоксально, не только церковь спасла его от гарпии, но и гарпия – от церкви. Ведь если б не нападение, он так и остался бы до конца дней безмозглым муравьем. И кто знает, какая из этих угроз страшнее.

Во-вторых, его память зияла прорехами. Он не мог вспомнить целые годы собственной жизни. Та казалась теперь не цельным полотном, а лоскутным одеялом. Самое пугающее – что он не мог назвать своего имени. Осталось лишь прозвище, и Орфин мысленно повторял его, боясь потерять и эту ниточку, последнюю связь с собой.

Притулившись у ограды на каемке острова, он изнывал от злости и бессилия. Один поток леты заглушил бы эту боль. Всего-то нужно вернуться в собор – и мир снова станет простым и понятным. Но нет. Пускай он позабыл четверть жизни, но эфиниол и свою ненависть к подобным веществам еще помнил.

«Надо было слушать Алтая!» – думал он с мучительной досадой. Эх, если б можно было отыскать его и принять приглашение. А что Рита? Он с горьким вздохом закрыл глаза. Она давно умерла, и ее не найти. Это правда. Но закрывая глаза, он волей-неволей представлял, как встретит ее в этом сумрачном мире, как она бросится ему на шею, несмотря на все обиды. Как потом они долго и запойно будут пересказывать друг другу всё, что произошло в разлуке. И неважно, насколько эта фантазия оторвана от жизни. Она питала его, придавала сил.

В Приюте Риты определенно нет – значит, нужно двигаться дальше. Догнать кочевников. Путешествуя с ними, быть может, однажды, он встретит ее. Кивнув этим отчаянным надеждам, Орфин всмотрелся в тяжелое небо Пурги.

Ждать пришлось долго, но наконец он заметил размытую фигуру бродяги, который приближался к церковному острову. Он приземлился – нескладный парнишка в белой форме с золотыми нашивками в виде песочных часов. Конопатый, со вздернутым носом и самодовольной ухмылкой, он не вписывался в образ типичного прихожанина, чем приятно удивил Орфина.

– Хэй! – сказал он, окинув Орфина взглядом. – А что, месса кончилась уже? Разве ты не должен быть внутри?

– А ты? – лукаво парировал он, пытаясь за секунды считать собеседника.

– А, я бы рад, но, знаешь, работа, всё работа, – парень повел ладонью вдаль от храма и иронично усмехнулся. – Неустанно ищущие заблудшие души и привожу их сюда, к свету, – пояснил он с наигранным пафосом. – Прямо как проклятый. Я Макс, кстати. Максимилиан. Слушай, – он вдруг фамильярно закинул руку Орфину за плечо, – я понимаю, почему ты не в восторге от молока, которое здесь наливают. Я и сам не фанат. Зато могу предложить кое-что более тонизирующее.

В легком потрясении, Орфин снял с себя руку Макса. На секунду взгляд замер на

увесистой сумке, которая висела у парня через плечо.

– А ты, я смотрю, разбираешься в местных веществах. Давай начистоту, Макс. Мне чертовски приятно увидеть хоть кого-то, наделенного интеллектом, – он убедился, что лесть подействовала: улыбка парня стала чуть шире. – Но каким чудом тебе удастся не оболваниться?

– Я тебе говорю: есть отличные мнемотики. Кино, например, разбудит после леты в два счета. Отдам по-братски, чувак, всего за три крупички.

«Три крупички *чего?* Нет уж, парень, придержи коней!»

– Так, секундочку, дай мне сопоставить. Значит, ты ведешь души к свету и толкаешь им дурь. Неплохо. Мне нравится эта ирония.

Короткий булькающий смешок.

– И то, и другое удобно фасовать по бутылкам, дружище. Раз ты уже здесь, про свет можно не распыляться. А вот кино и хлеб настоятельно рекомендую. Я тебе всё расскажу по порядку, смотри. Живым же нужна еда, сон, так? Энергия, короче. Тебе она тоже нужна, ты же не ходячая батарейка! И угадай, что тебе ее даст? Правильно, хлеб. Сейчас ты чувствуешь этот мерзкий холод, и...

– У меня другое предложение, Макс. Я куплю у тебя – но не мнемотики, а перевозку. Ты ведь бродяга, так?

– «Бродяга»? Ты где такого нахватался, чувак? Мы зовемся «миссионеры», ну или на крайняк «гончие».

– Ладно, миссионер, как скажешь. Я плачу те же три крупички, и ты переносишь меня во-он туда, подальше, – Орфин указал в сторону, где когда-то висел дирижабль. – Меня там ждут.

Парень проследил взглядом в указанном направлении и на пару секунд задумался.

– Не, старина, прости, – он слегка отпрянул и развел руками. – Я бы помог, честно. Но туда – совсем не по пути. К тому же сейчас у отца Жирдяя все на учете. Вот если с меня спросят, куда ты пропал?

– Да никто не заметит! Ладно, пять крупичек.

– Не-не, чувак, я пас, – Макс поднял руки. – Так тебе про мнемотики интересно дальше? Нет? Ну, как знаешь, – он слегка хлопнул Орфина по плечу и обошел сбоку. – Найди меня, как передумаешь, – он постучал рукой по сумке. – Бывай.

И направился в сторону собора, насвистывая незамысловатую мелодию. Окликнуть его, продолжить торговаться? Но ведь речь шла о памяти – в этом Орфин не сомневался. И сколько этих самых крупичек в его распоряжении, понятия не имел. Он уже потерял их немало, и не стоило разбазаривать дальше.

Не сумев сбежать с острова, Орфин укрылся в дальних коридорах Приюта. Стражи здесь патрулировали реже, чем в центре. Пересекаясь с ними, Орфин притворялся сомнамбулой – шаркал ногами, делал тупое лицо. Этим нехитрым уловкам хватало, чтоб на него не обращали внимания.

Пользуясь неприметностью, он блуждал по окраинам Приюта в поисках шанса на побег. В дальних углах собора он наткнулся на пустые бутылки, вроде тех, что предлагал Максимилиан. На одной из них сохранилась часть надписи, и Орфин подобрал находку, чтоб лучше рассмотреть. Ему упорно виделось на затертой этикетке слово «фантом» – и это

беспокоило, ведь так настоятель назвал налетчиков, сопровождавших гарпию.

Но куда больше его удивило другое. Зал с кольцевым бассейном, по которому призраки веслами гнали мерцающую жидкость. Жаровни с холодным пламенем, над которым она бурлила в золотых котелках. Всё это напоминало огромную лабораторию алхимика или живой организм – непрерывную цепь химических реакций. Лета преобразалась после каждого этапа, но, видимо, лишь в финале обретала наркотические свойства. Пока сыворотка текла по открытым желобам, она не источала дурманящего аромата.

Орфин пытался разобраться в этих процессах – хотя бы понять, в каком порядке они идут. Вспоминая эфениол, он думал: как легко было бы справиться с этой проблемой там, в Бытом. И еще – какая горькая ирония, что здесь всё то же самое... Бесчеловечность Приюта выводила его из себя. Он воображал, что если удастся вмешаться в технологию и нарушить ее – тогда Лукреций перестанет безнаказанно доить прихожан.

Но, блуждая, Орфин раз за разом путался в лабиринте коридоров. Золотые трубы, по которым текла будущая лета, беспорядочно переплетались, а вездесущий перезвон дополнительно сбивал с толку.

Хуже того – иногда сквозь замыленную реальность церковных коридоров пробивались лучи иных образов. Будто прожектор высвечивал вдруг фрагменты прошлого: вилка с наколотым ломтиком мяса, сигаретный дым, звуки молодежного бита.

Орфин старался игнорировать эти галлюцинации, списывая их на затянувшееся послевкусие леты, своего рода ломку. Но они не ослабевали, вызывая всё больше тревоги. Пока Орфин не заметил закономерность. Плутая по белому лабиринту, он всякий раз встречал иллюзии в одном порядке, на одних и тех же поворотах. Словно в некотором роде они были частью реальности.

Едва он предположил такое и всмотрелся внимательнее, как мир вокруг перевернулся. От Приюта не осталось и следа, и Орфин оказался посреди оживленного ночного клуба, где гремела музыка и крутился диско шар. Усталая девушка с перегруженным подносом шла прямо на Орфина. Он отшатнулся, но она прошла прямо *насквозь*, не заметив его. От пересечения их тел его пробрало легкой дрожью – скорее приятной, чем наоборот.

Неужели он правда?..

Люди сновали вокруг, смеялись, танцевали. Недосягаемая полнота их жизней почти оглушила его.

Он сделал пару неверных шагов по миру живых и врезался в невидимую преграду. Клуб и музыка пропали, словно кто-то выключил проектор. Вокруг снова воздвиглись бело-золотые стены Приюта.

Он замер, пытаясь осознать произошедшее. Направил взгляд за завесу и сумел снова перенестись в клуб. Звуки обоих миров наложились друг на друга – клубное техно и баюкающий перезвон. Сквозь золотые трубы проглядывали пестрые сполохи и пульсирующие движением тела. Люди смеялись, сплетались в объятьях, как змеи, пили и кричали. Настоящий пир жизни! Красные губы, блестящие капельки пота, волоски на руках.

Танцующие сновали сквозь Орфина, не замечая его. А он чувствовал их касания как выброс адреналина, как кипучее пламя жизни. Словно мышцы налились кровью и готовы нести тебя в бой. Словно продрог до костей и теперь болезненно отогреваешься. Чувство на грани тактильного и психического.

Прежде он отваживал видения, не доверял им. Но если он впрямь может видеть Бытое – разве это не чудо? Окно в жизнь, спасение от удушливой скуки.

А кроме того, была и практическая польза. Неотличимые друг от друга коридоры и повороты Приюта теперь удавалось опознавать, заглядывая в Бытое. Собор, как садовый лабиринт, вдруг расцвел многообразием красок, и разведка пошла в разы быстрее.

Орфин смог вычислить одну из главных труб – артерию, пронзающую стены насквозь. Она шла по прямой из центра собора, минуя все лишние повороты. Не без труда Орфин сдвинул с мертвой точки один вентиль на ней, затем другой. Труба заканчивалась пересохшим стоком над пустым фонтаном с разбитыми скульптурами. Из крупных обломков их мраморно-золотых тел Орфин соорудил каскад, по которому жидкость утечет прямо в окно, а оттуда – сольется в бездну. Оставалось только пустить лету по этому пути, а для этого найти ключевой вентиль, который откроет ей дорогу.

В поисках него Орфин пробирался вверх по этажам, всё ближе к центру собора. Стражей и патрулей здесь было больше, и приходилось подолгу таиться, чтоб миновать очередной поворот. Он вышел на площадку с арочными просветами, сквозь которые свистела пурга и проглядывало небо. Его зимне-серое сияние казалось слепящим после долгих скитаний по катакомбам.

Здесь путеводная труба наконец смыкалась с другой – массивной, вертикальной, перетянутой обручами. На их стыке крепился полуметровый вентиль – настоящий штурвал. Его покрывала влажная красная ржавчина. Пока Орфин пытался хоть малость повернуть его, до него донесся разговор.

– ...Ты посмела снова явиться? После того, что устроила со своими дружками! Ты нарываешься, девочка.

Гулкий сахарный голос Лукреция было ни с чем не спутать. Похолодев, Орфин на секунду замер, но затем сильнее надавил на вентиль. Надо пользоваться моментом, пока настоящий отвлечен. Но голос собеседницы выбил его из колеи.

– Ха, я-то думала, тебе нужны ответы, святоша. Мне не с крыла досюда дважды летать, ясно?

Этот бархатистый альт, эти резкие интонации и чудной выговор... грубоватый, но харизматичный.

– Не заставляй меня ждать, – буркнул Лукреций.

Женщина дерзко рассмеялась, и перезвон ее смешков раздраконил память.

– Уймите пыл, отче. У меня есть очень ценный секрет.

– И три секунды, чтоб начать его рассказывать.

– Неужто! А иначе?

– Иначе можешь забыть свои мечты о свободе, – сказал он сурово и гулко. – Я отрекусь от тебя, и ты навеки останешься ничтожным фамильяром, проклятой душой, без шанса спастись, без надежды на покой и Вознесение.

Нервно сжимая штурвал, Орфин выглянул за угол. Красный балахон Лукреция закрывал его оппонентку, стоящую в просвете арки. Но вот ветер немного пошевелил одежды, и Орфин наконец смог увидеть ее. Свет, отражаясь от золота, падал на черные кудри, и они словно лучились изнутри. Кожа ее стала бледнее, а веснушки казались теперь пепельными, а не песочными. Но вне всяких сомнений...

Вентиль внезапно поддался и повернулся вниз. Потеряв опору, Орфин с грохотом рухнул на колени. Колыхаясь красной мантией, Лукреций неторопливо обернулся. От резкого бесповоротного отчаяния живот словно пронзило шомполом.

На миг Орфин встретился взглядом с Ритой, но не увидел в ее глазах ничего, кроме

демонического желтого огня. В следующее мгновение ее перекрыла алая ряса.

Опомнившись, Орфин рывком поднялся на ноги.

– Вы лгали, что не знаете ее!

Луcreций подошел вплотную и легко повернул штурвал обратно, закрывая ток леты.

– Что же ты здесь делаешь, дитя? – спросил он вкрадчиво, возвышаясь горой. Горло перехватило липким ужасом.

Орфин снова кинул взгляд на балкон, где прежде стояла Рита, но теперь не увидел там никого. Едва соображая, он бросился бежать. Трубы вокруг вдруг оглушительно загудели, словно посылая сигнал тревоги. За ближайшим поворотом Орфин с размаху врезался в твердые, как камень, нагрудники стражей. Он коротко рыпнулся, но его скрутили и обездвижили. В груди разгорался пожар.

– Так что ты делал с трубами? – повторил Луcreций, неспешно настигнув его.

Орфин тяжело молчал. Дыхание перехватило, и даже при желании он не мог связать двух слов. Хотел спросить про Риту, но вместо этого лишь безумно смотрел на настоятеля.

Священник кивнул собственным мыслям и жестом отдал приказ. Стражи огрели Орфина парой тяжелых ударов в затылок и в живот – он, захрипев от боли, согнулся под ними. Его скрутили по рукам и повели вниз по лестницам, вдоль стен с латунно-золотыми желобами. Когда впереди показалась дверь, которую трубы обступали, как муравьиные тропы, Орфин попытался вырваться из хватки сопровождавших его, но их каменные пальцы только сильнее сжались. Его толкнули в золотую клетку без окон и заперли, не проронив ни слова.

Когда накал эмоций утих, Орфин опустился на покатуую скамью и опустил лоб в сведенные ладони.

«Неужели это правда была она? – думал он. – Нашел ее, только чтоб снова упустить из виду? Но куда она могла пропасть? И эти глаза...» Их желтое пламя отпечаталось на сетчатке и неустанно напоминало о чем-то ином, о взгляде другого существа. «Гарпия,» – вспомнил Орфин. Тогда, во время нападения, она светила точно такими же демоническими очами.

Стоило поймать эту идею, как недавний образ Риты дополнился. Орфин не обратил особо внимания на ее одежду, но теперь она всплыла в памяти – лохмотья из бурых перьев. И как это понимать? Очередной морок, жестокая иллюзия? Или Рита действительно стала гарпией, духом мщения?

«Какая теперь разница?» – спросил он себя с горечью. Второго шанса встретиться с ней, объясниться, никто ему не даст. Ведь он взбунтовался против тоталитарной секты, а потом сдал себя с потрохами. Надеяться не на что. Разве что вмешается гарпия и – чем чёрт не шутит! – унесет его на крыльях подальше отсюда? Но в те короткие мгновения, что она смотрела на него, он не видел ни грана тепла в ее огненно-желтых глазах. И потому такая фантазия вызывала только болезненный смех.

Он просидел в камере несколько часов, тщетно пытаясь придумать выход. Затем дверь дрогнула и отворилась, впуская в темницу призрака в черном балахоне – старика Геласия. Орфин настороженно поднялся ему навстречу. Тюремщик запер вход за собой и убрал ключ в складки одежд, не оставляя шанса на побег.

– Что ж... – протянул он хрипло и вкрадчиво. – Время в наших краях никого не лечит. Ты еще помнишь своих родителей, дух? Как тебя звали?

Орфин молчал, глядя на чужака исподлобья. Отца он еще помнил, да. В голове возник образ седеющего мужчины с массивными настенными часами в руках – очередным подарком для сестры Орфина. Но вот лицо матери ускользало.

– О чем ты мечтал? Кого ненавидел?

– К чему эти вопросы? – хмуро спросил Орфин.

Он чувствовал на себе пристальный взор из-под капюшона. Казалось, отец Геласий и не ждет ответов. Он просто набрасывал пищу для размышлений. «Что ты не успел? Кто по тебе плачет?» Цепляясь за эти крючки, воспоминания – те, что еще остались – всплывали сами собой. Орфин сжал зубы и отвернулся. Вместе с памятью подступала непрошенная горечь.

Но вдруг Геласий подался к нему, резко выпростав костлявую руку из черного рукава хламиды, и вцепился пальцами Орфину в лоб. Его пронзило болью тут же, словно вокруг головы сжался замороженный железный обруч. Охнув, он отдернулся, но Геласий резко толкнул его к стене и попытался схватить за шею – Орфин едва успел увернуться.

Его потряхивало, голова раскалывалась, а где-то в самом нутре горела и исходила пустотой рана – словно оторвали кусок самой сути. Он бросился к двери, забыв, что та заперта. Старик ухватил его за локоть, и боль повторилась. С трудом соображая из-за нее, Орфин толкнул исповедаря, но стоило коснуться его груди – и его снова обожгло холодом.

Тощая ладонь на несколько секунд впиалась ему в подбородок и щеку, пробороздив новую невидимую рану. Орфин рухнул и не нашел в себе воли подняться. От воспоминаний, которые Геласий своими вопросами заставил ожить в воображении, теперь остались жалкие обрывки. Их драные края трепетали, сочась болью. Орфин забился в угол камеры, прижимая предплечья к груди, словно мог закрыть ими душевные раны.

Геласий медленно подошел к нему и склонился.

– Х-хватит!.. Прошу!..

– Что ты пытался сделать с трубопроводом? – спросил старик почти ласково. Он поигрывал костлявыми пальцами в воздухе недалеко от лица Орфина.

Говорить оказалось сложно.

– Открыть... открыть трубу в дальнее крыло.

– Зачем?

– Чтоб вы... не варили лету... не травили людей.

– Они сами рады избавлению.

На это Орфин не стал отвечать. Два пальца вжались ему в лоб, обрывая новые хвосты

воспоминаний. Он заметался, пытаясь высвободиться.

– Я всё сказал! – прохрипел он.

– Знаю. Но ты пытался саботировать Приют – и надеешься на пощаду?

Орфин вскинул руки, защищаясь, но старик схватил его за запястье. Мороз прострелил до локтя, и новый лоскут памяти с треском оторвался от его сущности. Геласий прищурился, словно бы смакуя это воспоминание. Чёрт, да это доставляло ему удовольствие. Гребаный садист!

«Он меня прикончит? Просто по ниткам... вырвет всё, чем я являюсь...»

– Говорят, ты искал кого-то в Пурге. Женщину? Кто же она?

Орфин в панике зажмурился, стараясь *не вспоминать*. Усилием воли он вызвал в уме другие образы – лица коллег, приключения собственной юности. Что угодно, лишь бы заслониться от этих вопросов.

Геласий впился ему в плечо, и мнema, вырываясь из душевных ран, устремилась ему в пальцы. Образы в памяти гасли и рассыпались в бессмысленное конфетти, а тело парализовало агонией.

Наконец хватка разжалась. Сквозь серый шум Орфин слышал: «Встретимся на Вознесении», затем – как открылась и закрылась дверь. Он лежал в углу обмороженным трупом. Сперва казалось, что в голове ничего не осталось. Но вот перед мысленным взором начали всплывать разрозненные образы прошлого. Связи между ними порвались, и Орфин с трудом мог определить, что происходило раньше, а что позже. И всё же постепенно картина выстраивалась. Да, он всё еще мог припомнить вехи своей жизни и важных людей. Но эту память нашинковали тонкими ломтиками, и он чувствовал зияющую боль прорех.

Но вот ноздри защекотал приторный аромат, и Орфин заставил себя приоткрыть глаза и чуть приподнялся на локте. Прямо перед ним на полу стояла широкая золотая миска, до краев наполненная мерцающей летой. Огромная порция обезболивающего... Она мигом зашьет все надрывы, которые оставил в нём подонок, и прогонит тоску. Вернет блаженную безмятежность.

Орфин смотрел на чашу и чувствовал, что сил противостоять искушению с каждой секундой всё меньше. Конечно, он отлично знал, во что превратится, если выпьет хоть четверть этой дряни. Но разве ему дали выбор?.. Разве есть за что бороться? Ведь всё, что его ждет – это лишь новая жатва воспоминаний, на этот раз окончательная.

И всё же он отчаянно не хотел идти на поводу Приюта и становиться покорной марионеткой. Добровольно сдаваться в ненастные руки. Потому то ли из принципа, то ли из пустого упрямства стал цепляться за последний оплот жизни – потянулся взглядом в Бытое. Завеса дрогнула и поддалась. Сквозь переплетение золотых труб, выющихся по стенам камеры, проступили проржавевшие сваи фундамента. Щебенка, мусор и земля лежали грязными барханами, в которых копошились насекомые и черви... От всего этого поднимался затхлый запах плесени. Но вместо того, чтобы брезгливо отпрянуть, Орфин нырнул глубже в видение. Там, под землей, он смог укрыться от манящего запаха.

Тисифона спикировала к просторному острову, на котором возвышался массивный белый собор, похожий на печь с куполом. Поймав восходящий поток пурги, она развела могучие крылья и зависла в небе над зданием – достаточно высоко, чтоб не заметили. Ветер наполнял ее силой и уверенностью.

Облетев церковь по кругу, внимательно осматривая патрули и окна, гарпия снизилась и подлетела к балкону, выходящему из центрального нефа. Она приземлилась на карниз, но когти предательски клацнули по камню. Златокудрый страж, похожий на статую ангела, резко обернулся. Его зрачки расширились. Он замахнулся, чтоб ударить по трубе и поднять тревогу, но гарпия сработала быстрее. Прыгнув на него, она вцепилась когтями в плечи и взмыла вместе с призраком. Его стоны терялись в мелодичном перезвоне.

– Поставь моего человека на землю, – вкрадчиво приказал знакомый голос. Священник в алой мантии стоял во внутренней части балкона, скрытой от посторонних глаз.

Тисифона окинула его взглядом. Кажется, он умудрился растолстеть еще сильнее с их прошлой встречи. Поразительно! Он принадлежал к касте крепких, как и она – но насколько по-разному они используют талант! Ей бы и в голову не пришло перегонять скопленную мнему в жир на брюхе.

Она щелкнула клювом и разжала когти. Призрак усвистел вниз с высоты третьего этажа и со сдавленным хрипом рухнул. Судя по красоте, этот ангелок – еще один крепчий. Преобразил свою призрачную плоть так, чтоб радовать взор настоятеля.

Тис снова села на карниз и поглядела на упавшего парня. Его тело медленно распадалось на лоскуты белых хлопьев и поземкой ускользало прочь.

Повисла неприятная пауза. Несколько секунд они с Лукрецием молча смотрели вниз на истлевающее тело.

– А он не вознесся, нет? – спросила Тис с колкой иронией. – Ладно, отче, не злитесь. Вам понравится то, что мне удалось узнать.

Тис перескочила с карниза на балкон и шагнула в Приют. Она позволила спине расслабиться, и крылья растаяли, обронив пару перьев – обратились в человеческие руки. Но лицо она по-прежнему скрывала за костяным клювом.

Ей открылся вид на центральный зал Приюта, где начиналась месса. Играла гулкая музыка, зал полнился безразличными зрителями, на подмостках ангелоподобные красавцы вроде почившего, укутанные в золотые простыни, двигались в изящном симметричном танце.

На помост, где уже ждал жнец, вывели минора – высокого парня, худого, черноволосого. В его черты Тис всматриваться не стала: толку? Ведь он обречен.

– Очень на это надеюсь, – едко ответил Лукреций. – Но вот что, дорогая моя. Я не прошу тебе больше ни одной души из моих прихожан. Имей это в виду, если снова вздумаешь...

– Ой, да ладно, святой отец! – Тис рассмеялась. – Мы оба знаем, что вам плевать на миноров, – она махнула рукой вниз на сцену. – Вы же их пачками убиваете. Сейчас вот очередной «вознесется».

Тис прекрасно знала, чем закончится месса. До поворота часов память жертвы выкачают, как насосом, плоть рассыпется пургой, а то, что было прежде «душой», послужит обогащению Приюта. Жнец передаст добытую мнему отцу-настоятелю, и она осядет очередной складкой у того на брюхе.

– Он по доброй воле примет покой, – возразил священник. – Мне правда нужно пояснять разницу между этим и твоими когтями? – он окинул взглядом свою паству, – Им дана надежда, которой ты лишена. Имей мужество хотя бы признать это. А теперь, будь добра, поведай мне то, с чем пришла.

Тис тянула паузу. Внизу на сцене на лоб минора опустили золотой обруч. Жнец в черном встал тенью за его спиной. Сейчас в лучах золота и славы душу парня порвут в клочки –

типичная Пурга. Но всё же какой завораживающий контраст ужаса и великолепия.

– Секрет очень прост, – сказала наконец Тис. – Достаточно растолочь цепень – и вот он, ваш сырой порошок.

– Хочешь сказать, Стилет продавал мне втридорога сорняк, который растет под ногами? Гарпия рассмеялась над его возмущением.

– Теперь ваша часть сделки.

Забытое

2011

Они собирались по пятницам – иногда в клубах, иногда на лекциях или выездах, которые организовывали светила психологии. Старшекурсники и выпускники, преисполненные амбиций. Без связей дорога им лежала в школьные психологи, а это казалось позорным поражением.

Они были шумной веселой компанией и часто, выпив для храбрости, подходили общаться к бороатым профессорам и преуспевающим коучам с бизнес-улыбками. Те, кому удавалось произвести впечатление, возвращались с новой осанкой и говорили другим тоном.

Орфин встретил свою судьбу на афтер-пати после помпезной лекции именитого зарубежного психолога. Вмешался в чужую беседу – нахально, но как иначе?

– Статистические исследования близнецов ясно показывают, что творческие способности врожденные, и... – говорила женщина.

– Только отчасти, – возражал мужчина. – Слишком легко свести всё к концепции таланта.

Она – высокая блондинка с короткой стрижкой. Он – пониже ростом, с длинным тонким носом и дергаными пальцами музыканта. Орфин знал эту даму и потому вступил в разговор на ее стороне. «Вы, конечно, читали последнюю статью? Автор приводит сравнительный анализ...»

Женщина доброжелательно улыбнулась, ответила, продолжила беседу вопросом. С каждым «пассом» Орфин волновался всё больше, боясь наложить. Это ведь сама хозяйка «Сияния». Если удастся впечатлить ее настолько, что примет на работу – он переплюнет всех приятелей. Разговор шел как по маслу, пока внезапно Медеш не оборвала его.

– Прошу прощения, я временно оставляю вас. Здесь душно, не находите?

Поколебавшись, он купил коктейль со льдом и пошел искать ее на балконе. Расчет оказался верный. Она курила длинную сигарету. Кто знает, может, она правда хочет побыть одна, и настойчивость приведет ее в раздражение? Или же ему не померещилось, и она впрямь одарила его чуть более долгим взглядом, когда прощалась? Отбросив сомнения, Орфин направился к Медеш.

– Вы хотели освежиться? – он протянул ей холодный коктейль.

Женщина рассмеялась.

– Такими темпами я заledenю, но спасибо, – она приняла напиток.

– Простите мою прямоту, – сказал Орфин. – Но я восхищаюсь вашими профессиональными успехами и славой «Сияния». Должно быть, было непросто собрать такую хорошую команду и привлечь столько клиентов.

– Клиенты приходят сами, если специалисты хорошие. Сарафанное радио работает

лучше всего.

Он льстил, она врала, но это никого не волновало.

– Я в этом году получаю диплом, и если вы позволите попрактиковаться у вас – это будет просто подарком, фантастической возможностью. Дайте мне шанс, и уверяю: вы не разочаруетесь. Я схватываю всё на лету.

На лице Медеш застыла улыбка, но глаза смотрели холодно. Запоздало Орфин сообразил: она решила, что его внимание вызвано вовсе не карьерным интересом. Чёрт.

– Что ж, – сказала Медеш, пригубив коктейль. – Ты можешь прийти на собеседование. Завтра.

Он стал частью постоянного штаба «Сияния». Студенческие друзья сменились коллегами, но тусовки остались прежними, только теперь не нужно было выискивать приглашения. Следующим летом Медеш устроила корпоратив на прогулочном теплоходе. Отдыхая за кальяном и глядя на проплывающую мимо вечернюю Москву, опытные коллеги рассказывали забавные истории про своих клиентов.

– Она уже давно не носит бюстгалтеры на сеансы, независимо от погоды, – вещал рыжеволосый психолог с залысиной. – А бюст у нее дай боже, и блузки всегда тоньше некуда. Светит, значит, своими бидонами и говорит: «Ой, доктор, я просто обязана сделать пластику. Они неправильной формы и никому не нравятся. Вот даже вам». «И как вы это определили?» – спрашиваю. А они, и правда, у нее «косоглазые», эдак по бокам раскинулись. И знаете, что она ответила? «У вас на столе всякий раз стакан воды. И вы ни разу его на меня не разлили».

Взрыв смеха.

– Ты предложил ей облиться самой? – подначил полноватый коллега с усами.

– Думаешь, стоит? «Чтоб полюбить свое тело, вы должны отделять собственные фантазии от действий окружающих и осуществлять их самостоятельно. Это будет первым шагом».

– Слушай, может, отправишь эту дамочку ко мне на пару сеансов? – усатый скабречно ухмыльнулся.

– Не-е, не выйдет. Она совершенно убеждена, что я единственный могу ей помочь. Через раз говорит, что хотела бы такого мужа.

– Разве это не перенос? – осторожно спросил Орфин.

– Конечно, перенос. Но кто тебе сказал, что это плохо? Терапевтический перенос может быть о-очень эффективен, – коллега дернул бровью, и все засмеялись, будто старой шутке.

Орфин засмеялся тоже. У него мурашки шли от их цинизма, но он боялся, что начав спорить, потеряет и уважение, и должность. В конце концов, некорректные шутки в кругу друзей еще не значат, что они неэтичны на самих сеансах. Ведь так?

Коллеги продолжили потешаться над клиентами. Один портит воздух, другая пискляво разговаривает и повторяет одни и те же фразы, третий – подкаблучник-мазохист и всегда затягивает галстук так, что едва дышит.

В ход пошел алкоголь, и с каждой рюмкой истории становились всё похабней. «Что я здесь делаю?» – спросил себя Орфин. Нужно было поддержать разговор, но как можно так свысока смотреть на людей, которые доверили тебе самое сокровенное?

Он извинился, кивнул коллегам и поднялся на крышу теплохода, навстречу промозглому ветру и запахам реки. Оперся на фальшборт, глядя в темную воду и погружаясь в тяжелые мысли. Но его быстро прервали.

– Скучаешь? – Медеш чуть улыбалась ему. Он и не заметил, что она тоже тут. Дама изящно курила в другом углу крыши, в бежевом кожаном плаще поверх узкого платья.

– Нет, просто... вышел немного подышать. Всё в порядке.

Что-то сверкнуло в ее взгляде, в серых, как небо, глазах, но он не смог прочесть эмоцию. С прежней улыбкой Медеш кивнула ему, докурила сигарету и выкинула в реку. Начал накрапывать дождь. Звеня каблуками, дама покинула верхнюю палубу, по пути едва ощутимо коснувшись его локтя.

Через пару минут, к удивлению Орфина, на крышу вылез рыжий коллега с залысиной. Он похлопал Орфина по плечу и склонился над парапетом рядом с ним.

– Смотришь на нас и думаешь: ну и мудаки, да? Ты не смущайся, Андрюх, ты хорошо держал лицо. Просто я за столько лет научился читать мысли, – он рассмеялся и хлебнул пива. – Можешь не притворяться старым циником раньше времени. Как говорится, молодость – это недуг, который быстро лечится. Это нормально, что ты осуждаешь, вчерашний студент. Годик-другой поработаешь – и поймешь, откуда в нас столько желчи.

– Этого я и боюсь.

– Напрасно. В этом нет ничего страшного, это просто опыт и немного профессиональной деформации, – он хохотнул. – Не будет ведь сапожник молиться на каждый ботинок?

– Но разве смысл не в том, чтоб разобраться в проблеме клиента, найти подход?..

– Конечно, вот только подход – он всегда один. К нам ведь обращаются в основном люди одного сорта – зависимые. Те, кто физически не в состоянии принимать решения сам. Приходят и плачутся, как у них всё по жизни хреново – ну еще бы! Только прикол в том, что их нельзя ни вылечить, ни научить. Забудь свои учебники, Андрюх, никто не приходит к нам для «личностного роста». Никому это всё нахрен не сдалось. Людям банально нужен совет, как жить. Так что лучшее, что ты можешь, как спец – это взять шефство над их судьбами и направлять их. Вот и вся песня.

Орфин молча смотрел в воду. От слов старшего коллеги становилось гадко.

– Вижу, ты не рад это слышать, – сказал тот мягче. – Что ж, кто знает. Может, тебе больше повезет с клиентами, и ты встретишь действительно интересные случаи. Может, ты сохранишь этот сияющий взгляд... и будешь лучше нас, – он сделал паузу, давая Орфину посмаковать эту лесть. – Видеть в клиентах людей не возбраняется, покуда они тебе платят, – он снова хохотнул. – Но тут я должен предостеречь тебя от другой крайности. Можешь заботиться о них сколько влезет, копаться в их дерьме, детстве, снах, травмах или чему там тебя учили. Получать их благодарности и любовь. Но какими бы милыми и ранимыми они ни казались – не поддавайся эмоциям. Ни в коем случае не допускай контрперенос. Ты меня понял? Влюбиться в пациентку – это крах. Медеш прощает многие косяки, но за такое она тебя вышвырнет.

Обратный отсчет... Эху его жизни осталось звучать считанные минуты, и они утекали безвозвратно. Его подвели к подъему на эшафот. Зал, из которого еще недавно Орфин сам с трепетом наблюдал мессу, теперь покачивался и подвывал в предвкушении нового зрелища. Гребаная публичная казнь. Это было... за гранью.

Надежды как таковой в нём не осталось – только клокочущая злость, но именно она не давала смириться и подзуживала бороться до конца. Вот только как? Всё, что он мог – притворяться сомнамбулой, не выдавать эмоций, чтоб не раскрыть своего преимущества. И не терять концентрации, чтоб ухватиться за удачный момент, если такой представится.

– ...и вознесешься, позабыв земные горечи, – разносилась по собору неизменная речь Лукреция.

Взойдя по ступеням, Орфин осмотрелся сквозь марево полуопущенных ресниц. Четверо ряженных ангелов манерно замерли по сторонам, а в центре под черно-золотым капюшоном Орфин с желчью узнал Геласия. Тот разминал пальцы чуть ли не с аппетитом. Никакого сопротивления жнец не ожидал.

Все чувства Орфина накалились, от страха защемило в груди. У него была всего одна попытка, и неудача означала окончательную смерть.

– Развернись, – тихо, бесстрастно велел исповедарь.

Расстояния между ними было метра два. Внизу под лестницей зал наполнился безликими прихожанами, изнывавшими по своей дозе леты.

Другого шанса Орфин ждать не стал – резко вскинул взгляд на Геласия. Глаз его за капюшоном не увидел, но острые плечи под черной тканью едва заметно дрогнули от удивления. Он двинулся к Орфину, насмешливо кривя губы.

– Вот дела. Значит, ты выбрал боль? – едва слышно процедил жнец, вкрадчиво подступая. – Неужели кто-то может быть настолько глуп? Может, ты из тех безумцев, кто находит в ней удовольствие?

Орфин зверем смотрел на него. Геласий приблизился еще на шаг.

– Или ты просто растяпа и разлил?..

Закончить фразу он не успел. Орфин быстрым движением выбросил вперед руку с зажатым в пальцах флаконом. Тем самым, который он подобрал в коридорах, с неразборчивой надписью. Ожидая своей участи, Орфин сообразил перелить в него немного леты из блюда.

Жидкость выплеснулась из горлышка в лицо Геласию, несколько капель упало на язык, и глаза старика помутнились. Он невольно слизнул с губ ртутные потеки дурмана и с тихим стоном покачнулся, но устоял на ногах. Всякий интерес к Орфину он потерял, временно растаяв разумом в миражах.

Несколько секунд Орфин в оцепенении ждал, что его схватят. Но нет, выходка осталась незамеченной. Он стоял спиной к залу, и за его рослой фигурой было не разглядеть, что происходит между ним и Геласием. К тому же прихожанам не было дела до реального мира.

Однако броситься бежать он по-прежнему не мог: стражей в зале хватало, и это они сразу заметят.

Поэтому, припомнив, что должно происходить на сцене, Орфин снова придал лицу пустое выражение и медленно развернулся лицом к публике. Четверо зодчих свили для него золотой обруч и опустили на голову. Что дальше?

Орфин осторожно подхватил края черных рукавов Геласия и потянул его руки наверх. В кривом золоте колонн отразилась их черно-белая пара, похожая на морскую звезду, и высокие часы, сквозь перемычку которых медленно капала лета. Оставалось надеяться, что старик не очнется раньше, чем они перевернутся.

Удерживать безвольные руки исповедаря становилось всё тяжелей, как и сохранять маску безмятежности. Сличить подвох не составило бы труда, но никто не пытался.

Наконец последняя капля в часах скатилась вниз, и они начали вращение – всё это Орфин видел в золотом отражении. Будь вся драма настоящей, его бы в этот момент разнесло на крупы пурги. Он должен был как-то иначе изобразить свою гибель, чтоб сбить церковников с толку. С гулким щелчком часы встали в перевернутую позицию. Отпустив беспамятного исповедаря, Орфин картинно рухнул со сцены. Ощутимо ударился об пол, но зато оказался в толпе одетых в белое, как он.

– Отец Геласий, – гулко разнесся голос Лукреция. Его балахон краснел в нише наверху. – Продолжайте обряд! Помогите сей беспокойной душе вознестись!

Но жнец не реагировал. Поднялась суматоха. Спешно стянув с головы обруч, Орфин водрузил его на черноволосого мужчину с пустым взглядом. «Прости, приятель, – подумал он, – пожалуйста, прости». Стараясь не привлечь внимания, он стал отступать сквозь людское море, а затем бросился по коридору.

– Стой! – донеслось в спину.

Он ускорился, свернул за поворот. Взбежав по белой лестнице, кинулся в лабиринт церковных ходов. Занавеси из стеклянных бус рассыпались звоном, когда он прорывался через них, но этот звук вливался в мелодичный гул церкви и не выдавал его. Большинство пролетов были пустынные, лишь кое-где лежали бесчувственные тела, похожие на саваны. Орфин петлял в отчаянной надежде, что удача вынесет его из лабиринта на улицу.

Наконец сбоку повеяло холодом, и Орфин свернул туда. Впереди забрезжило приглушенное сияние зимнего неба, и через узкую арку он вырвался на воздух. Его окатило колючим ледяным бризом. В коридоре за спиной нарастал гул шагов. Орфин кинулся к мосту, который укрывала завеса спасительного тумана. Но вдруг наверху, на краю зрения, мелькнула броская тень – кто-то спрыгнул с балкона. Снежная рябь смазала детали, но он точно увидел женский силуэт со рваным пятном развевающихся кудрявых волос. Незнакомка приземлилась на корточки, легко подскочила и рванула к краю острова.

«Это она?» Чёрт возьми! Он разглядел лишь стройное телосложение и кудри, которые плясали на ветру, да характер движения – непринужденный и порывистый, как танец. Но она была похожа, действительно похожа. И он хотел верить, что это она!

Потому вместо того, чтоб нырнуть в спасительное облако, он бросился ей вслед.

– Рита!

Он несколько раз выкрикнул ее имя, но девушка будто не слышала. Она стремительно неслась к краю.

– Стой!

Его точно ошпарило, когда она перемахнула парапет и прыгнула вниз. Но в следующий

миг из-за черты рывком поднялась огромная птица. Она раскинула мощные бурые крылья и, рассекая воздух, взмыла высоко в небо. Не прошло и десяти секунд, как ее силуэт исчез в густой пурге.

Выходит, он верно заподозрил?.. Гарпия?

Орфин остановился у границы плато. Его ноги пульсировали энергией, а грудь высоко вздымалась. Неужели он был так близко и упустил ее? Как замороженный, он наклонился и подобрал с земли небольшое крапчатое перо, пуховое на ощупь.

В следующий миг за спиной раздались возгласы преследователей. Орфин бросился к мосту, скрытому туманным маревом. Но завеса успела сгуститься, и в ее сердцевине нарождался смерч, тихо стонущий на разные лады. В панике Орфин обернулся и увидел, как трое стражей заряжают громоздкие золотые луки. Задыхаясь от страха, он нырнул прямо в вихрь. Хвосты смерча хлестнули шершавыми языками. Орфин распластался на мосту и ползком двинулся вверх по его дуге. Стрелы просвистели мимо сквозь густой туман.

Мост сужался к середине. Из воющего тумана свились призрачные детские ручонки и принялись цепляться за волосы и кожу, будто клещи и пиявки – разодрали белую робу, исцарапали лицо и руки, оторвали мочку уха. Пересиливая стихию, Орфин карабкался дальше. Наконец, он преодолел вершину, и вихрь остался позади: последние языки ветра ударили по ногам, и они с Орфином разминулись. Смерч поплыл дальше к Приюту, а Орфин, дрожа от усталости, скатился на твердую землю. Сотня царапин саднила и капля за каплей тянула из него жизненные силы, пытаясь зарастись.

Немного придя в себя, он осмотрелся. Он уже был на этом плато – работал здесь, будучи под дурманом, затем убегал от гарпии. Место сильно изменилось. Фасады Бытого снесли и возвели вместо них внушительные стены из шлифованных белых блоков. Справа от них разрасталась строительная свалка. Ветер сдувал с обломков лоскуты пурги и уносил прочь. Через неделю от них останется только галька.

Не дожидаясь, пока туман отступит, Орфин двинулся вглубь острова в поисках убежища. Блуждая по свалке, он заметил, что некоторые отголоски прошлого еще уцелели: под завалом виднелся старый люк в подвал.

Опасливо приподняв дверцу, Орфин прислушался – кажется, никого – и спустился по неудобной приставной лестнице. Длинный балахон путался в ногах. Тихо выругавшись, Орфин стянул с себя этот драный мешок и словно освободился от груза. Воздух коснулся голой спины, и в следующий миг привычная одежда возникла на теле сама собой: серые брюки, плотное пальто с высоким воротом, узкие черные ботинки. Вещи, в которых он умер – ну и пускай. Они казались теперь такими родными. Орфин с отвращением отшвырнул скомканную робу в угол подвала, но та уже в полете рассыпалась трухой.

На полках вокруг громоздились коробки и свертки, пепельно-серые, наполовину стертые в прах. В Бытом подвал выглядел почти так же, разве что немного просторнее. В дальнем углу, который в мире мертвых закрывали куски бесцветной фанеры, стоял старый пузатый телевизор. Если забраться туда – выйдет отличное укрытие. Не видя Бытого, не догадаешься, что там вообще есть место.

Орфин аккуратно разгреб завал. Под слоями хлама и разломанной мебели обнаружился металлический ящик с задвижкой, из которого шел аппетитный копченый запах. Чужой тайник? Выходит, самому здесь не спрятаться?

Поддавшись любопытству, Орфин со скрипом открыл контейнер. Внутри лежали закупоренные бутылки темного стекла и пухлые шайбочки сыра – молочно-желтые, румяные,

даже горячие на вид. Вот уж чего он не ожидал встретить в Пурге.

Борясь со внезапным искушением, Орфин запустил пальцы в волосы. В животе заурчало. Он не был голоден, пока не увидел еду, но теперь просто не мог удержаться. Откусил небольшой кусочек, и его вкус фейерверком взорвался во рту. Он жевал, и рассольная мягкость вытесняла все тревоги. В ход пошел второй круг, потом третий. Наконец Орфин понял, что держит в руке последний кусочек. Он положил его в рот и дал растаять на языке.

Из чего сделаны эти божественные штуки? Ведь нет же в Пурге призрачных коров, которых можно доить?

По телу разливались энергия, сытость и живительное тепло. Все порезы и ссадины, которые оставил на нём вихрь, затянулись без следа. Он больше не чувствовал себя таким разбитым и ничтожным. Опасность никуда не делась, но неожиданно он набрался сил, чтоб с ней бороться.

Он представил Риту – как она прыгает через парашют и взлетает в облинии гарпии. Желание догнать ее захлестнуло, и в воображении он сам почувствовал крылья за спиной и помчался по небу следом за ней. А нагнав – набросился, крепко стиснул. Она вырвалась, и они вступили в схватку – два чудовища посреди холодного неба. Они драли друг друга когтями и кувыркались в каком-то фантазмагоричном смешении страсти и ярости.

Прогнав фантазию, Орфин заставил себя мыслить трезво. Если владелец этой амброзии вернется и застанет его здесь, будут проблемы. Впрочем, если тайник принадлежал тому, о ком он подумал...

Орфин присмотрелся к бутылкам. Точно такую же он подобрал в Приюте и использовал для уловки. На потускневших этикетках читалось красное название «Фантомная горелка», и мельче: «Попробуй аттракцион в бутылке!»

– Фантомы... – шепотом повторил Орфин.

Он сложил всё обратно в ящик, опустился рядом с ним на пол и рассеянно уставился в пустоту.

Он злился на целый мир, который оказался таким жестоким местом. На лживых священников, на бандитов, на гарпию-Риту, которая вовсе не замечала его. Даже на безмозглых прихожан, которым не хватило воли выйти из-под контроля леты. Да, он умел сдерживать в себе это раздражение. Прежде его работа состояла в том, чтоб пытаться понять людей, даже весьма неприятных. Но теперь – какого чёрта ему кого-то жалеть? Пурга не похожа на человеческий социум. Это водоворот из хищников и жертв и, твою мать, ему надоело быть жертвой.

Если он хочет выжить, нужен план. Хватит быть мечтательным дураком – такие в Пурге обречены.

Прошли часы или дни? Он не решался судить. Наконец наверху послышались шаги – кто-то пробирался по свалке к люку в подвал. Орфин устроился в дальнем углу помещения, загородившись листом фанеры. Дверца в потолке открылась, и некто спустился по лестнице. Послышался шум падающих досок и тихая ругань. Орфин осторожно выглянул из укрытия и с легкостью узнал Макса – в форме церковного миссионера и с неопрятными вихрами. Так и знал: это он хранит здесь контрабанду.

Раскидав мусор, парень со скрипом открыл пустой ящик. Его плечи напряглись, и поза

стала испуганной.

Орфин бесшумно выскользнул из-за фанеры. Облизнув губы и приосанившись, он бросил громко и резко:

– Кончился товар?

Макс подскочил на месте и обернулся.

– Я знаю, у кого ты закупаешь. Лукреций такого не одобрит.

– Я... Да ты вообще... – парень никак не мог собраться с мыслями. Это преимущество нельзя было упускать.

– Тебе нужна новая партия. Мне – убраться подальше от Приюта. И знаешь, в чем тебе повезло? – Орфин сделал шаг в сторону Макса, как бы наступая на него. – Я знаком с твоими поставщиками. Выбью тебе скидку.

– Что?..

Орфин подошел к гончому, стараясь двигаться важно и даже величественно.

– Они ведь продают тебе по грабительским ценам, так?

– Что ты знаешь? – встревоженно спросил Макс.

– Ну, например, я знаю, что их гарпия – обыкновенный призрак с парой хитрых уловок. Зовут ее на самом деле Рита. Мы на короткой ноге. И я с ней договарюсь.

Макс сощурился.

– Ты просто хочешь свалить отсюда, да? Опять.

– Точно. И предлагаю хорошую плату за то, чтоб ты меня попросту таксанул, – он продолжал, не давая Максиму вставить слово. – Я знаю, о чем ты думаешь. Но Лукреций уверен, что я сдох в вихре или свалился с моста. Недосчета не будет. Ни у кого не возникнет к тебе вопросов. А тебе – выгода.

Он наконец замолк, чтоб парень мог осознать услышанное. Макс отвел взгляд, явно просчитывая варианты.

– Значит, ты уломаешь Стилета на скидку для меня, так?

Орфин энергично кивнул, надеясь, что это не сраная проверка, и некто Стилет действительно существует. Эти переговоры просто нельзя продолжать.

– Ладно, – Макс облизнул губы. – Собирай манатки, и погнали.

«Он лжет», – вкрадчиво доложил внутренний голос.

«Нет. Я *должен* ему верить, если хочу лететь с ним. Иначе мы просто упадем».

– Верное решение! – ухмыльнулся Орфин, поддерживая маску задорной уверенности.

Путь к дилерам обернулся серией рваных прыжков, от которых переворачивался желудок. Пурга иголками сквозила по коже, и в груди всё сжималось от невозможности вдохнуть.

В коротких привалах, когда они приземлялись на карликовых островах и Макс шумно дышал, Орфин успел разглядеть сооружение, к которому они летели. Оно напоминало огромный моток арматуры. На ее штырях торчали насаженные трупы автомобилей и вывески забегаловок. Узкие лестницы и дорожки рельсов тянулись между ними, изгибаясь под опасными углами. От порывов ветра арматура натужно гудела и скрежетала, елозя металлом о металл и пошатываясь.

Наконец призраки прибыли на сетчатую платформу в лесу из стальных штырей. Орфин встревоженно покосился на Макса – на лице парня читалось нетерпение.

– Так, – сказал проводник, облизнув бесцветные губы, – скоро спустится кабинка, полезай в нее.

Он указал на черный трос, по которому полз подвешенный автомобильный кузов. Выглядело крайне ненадежно. Затывая вопли инстинктов, Орфин всё же шагнул в кабинку.

– Встретимся наверху! – ухмыльнулся Макс.

Орфин в ужасе вцепился в невысокий борт.

– Стой!.. Но!..

Возражать не имело смысла: фуникулер уже поднимался прочь от платформы. Орфин сжал зубы. Собственная беспомощность выводила его из себя.

Кабинка поднялась на десяток этажей и вдруг ухнула вниз. Ужас физической болью впился в сердце. Орфина тряхнуло в падении и понесло в сторону. Крепежи над головой хрипло скрипели, пока кузов мчался мимо ржавых автомобилей и вывесок давно канувших франшиз. Орфин вжимался в дно кабинки и проклинал гениев, которые додумались соорудить этот чертов парк загробных аттракционов.

Наконец гонка замедлилась, и подвесной кузов влетел в широкую комнату, маятником качаясь на тросе. Орфин судорожно выкарабкался из кабинки, и она тут же умчалась на второй круг. Вокруг звучал гогот.

Немного придя в себя, он осмотрелся. Похоже, кто-то решил организовать бар посреди свалки. Небо вместо крыши, голые пласты железа и бетона, сквозь щели между ними воет пурга. Беспорядочно наставлены столы и стулья разных эпох, но половина гостей сидит на серых блоках прессованной пурги. Торчащие из стен прожекторы отбрасывают конусы холодного света на призрачные руки и головы.

Вдруг кто-то со смехом похлопал Орфина по плечу.

– Добро пожаловать!

Не Макс: голос куда ниже и старше. Орфин обернулся и окинул взглядом добродушного на вид коренастого дядьку в клетчатой рубашке с закатанными рукавами. Он протянул Орфину полную рюмку и ободряюще кивнул. Поколебавшись долю секунды, Орфин

опрокинул стопку. Напиток прожег горло правильным *живым* жаром. Он смачно выдохнул и почти простил этим фантомам издевательскую гонку на входе.

– Проходи, садись, – напутствовал мужчина, сам удаляясь к барной стойке.

– Постой. Что это за хрень была?

– А, поездочка? Так она ради «незабываемых» впечатлений, конечно. Теперь в твоей памяти на круплицу больше.

Один из призраков, болезненно худой мужчина с седой щетиной, жалостливо схватил бармена за рукав.

– Повтори... – он потрянул пустой бутылкой.

– Не могу я больше наливать тебе в кредит, – бармен беззлобно развел руками. – Хочешь, подождем ловчего, он возьмет плату.

Мужчину заметно передернуло.

– Не надо его звать, – попросил он сиплым голосом. – Я могу и так... – Он пару раз кашлянул, явно пытаясь тянуть время. Следующие его слова прозвучали чуть более гулко и насыщено: – В уплату я передаю воспоминания о восхождении на Монблан... наши разговоры на привалах... как я отморозил там палец, как солнце слепило глаза. Пусть моя память о горах отныне служит мнемой. Этого, – голос снова стал слабым и старческим, – должно хватить на весь кредит.

Полминуты бармен будто переваривал полученные воспоминания. На его лице не было удовольствия – напротив, он хмурился, как человек, заполняющий бухгалтерскую книгу. Наконец он кивнул и поставил перед бывшим альпинистом бутылку.

Орфин подошел к бару. От алкоголя по телу разливалось приятное расслабление и тепло. Несколько призраков столпились перед ним, называя заказы. На него поглядывали, но без особого интереса. Должно быть, подобное появление новичков – обыденность для этого места.

Бармен готовил напиток офисному клерку – стакан возник в его пальцах сам собой, свившись из воздуха. Как заправский алхимик, он накидал в него ингредиентов и наполнил дразняще-яркой синей жидкостью. Сделав первый глоток, клиент вдруг начал безудержно хихикать. Пытаясь отойти от бара, он расплескал половину напитка. Многие остались безразличны к его поведению, но одна женщина в зале подняла руку и требовательно заявила: «Сода, мне того же!»

Мимолетная симпатия, вызванная дружелюбным приветствием бармена, сменилась настороженностью. Зачем Макс его сюда отправил и где он сам? Еще этот «подарочный» шот... едва ли они отпустят Орфина, не потребовав плату.

Когда у бара наконец подошла его очередь, он изобразил беззаботность и приветливо кивнул бармену.

– Может, расскажешь, как у вас тут всё устроено? Сода, да?

Бармен кивнул и ткнул пальцем в бейдж на груди. Там, и правда, значилось это странное прозвище.

– Без проблем. Я могу одновременно рассказывать и варить, так что закажи сперва, а потом спрашивай.

– А что у тебя есть?

– Любые напитки и еда, какие ты помнишь. Ну, или если быть честным, какие помню я, – он улыбнулся, и на правой щеке залегла ямочка. – Но думаю, подберем под твой вкус. Ну, а коли еда не мила, могу предложить кино – это у нас всякие лихие и горячие сны, чтоб

снова почувствовать себя живым. Итак?..

– Слушай... – Орфин потер переносицу. – Я от Макса.

– Хм, – лицо Сода едва заметно помрачнело.

– Ты знаешь женщину, которая умеет превращаться в птицу? – спросил Орфин напрямик.

Сода прищурился, но вместо ответа дернул какой-то рычажок под стойкой. За баром вдруг с лязгом поднялась заслонка, и открылся узкий проход в темноту.

– Тебе туда.

– Что?

– Там лестница, ступай. Макс будет ждать тебя наверху.

– Выглядит не слишком... гостеприимно.

Сода отвел взгляд и замялся, отчего тревога Орфина только усилилась.

– Так что насчет гарпии?

– Да, – Сода поднял глаза. – Она тоже там.

С тяжелым сердцем Орфин нырнул в узкий проем и взобрался по скрипучей лестнице, стараясь не смотреть на торчащие внизу арматурные штыри. Он попал в аскетичную комнату, похожую на гараж. Узкий проход за ним с лязгом закрылся.

Макс что-то пылко говорил сухопарому бандиту, чьи выбеленные волосы торчали высоким гребнем. На черной кожаной безрукавке незнакомца блестели металлические вставки. Скулы выдавались вперед, впадины глазниц зловеще темнели, отчего лицо напоминало череп. Но самым вычурным было раздвоенное лезвие, которым заканчивалась правая рука фантома.

– А вот и он! – взволнованно объявил Макс, махнув рукой на Орфина. Глаза второго призрака – Стилета? – прожгли насквозь, как лазеры.

– Посмотрим, – процедил панк и направился к Орфину, шагая с грацией гепарда.

Молниеносно вскинув руку – ту, что с пальцами – он чиркнул Орфина по плечу. Прикосновение обдало морозом, точно как хватка Геласия. Страх сдавил горло. Пятясь, Орфин заметил пару громил, замерших по углам.

– Типичный минор, – заключил Стилет со сталью в голосе и обернулся к Макс. – Пригодится, вот только... это ничего не меняет.

– Стой-стой, – залепетал тот. – Я же привел его в уплату!

Орфин мрачно выдохнул и сжал зубы. Его худшие опасения подтверждались. Пурга – водоворот из хищников и жертв, и, твою мать, как же ему надоело быть жертвой.

– Ты сюда даже не собирался! – встрял он, стараясь говорить громко и уверенно. – Привел он меня, как же! Это я тебя привел!

Но мужчины словно его не слышали. На миг он ощутил себя в полной мере призраком, невидимкой.

– Дело не в долге, а в верности, – сказал Стилет убийственно тихо. – Ты продал нашу рецептуру церковникам. Я такого не прощаю.

– Что? – возмутился Макс. – Неправда! Я не!..

– Почему тогда они не покупают больше?

– Они строят мост! Им не до леты сейчас! Их до усрачки напугал налет, и они все силы на второй остров бросают. Seriously, Стилет, я ж не debil, чтоб идти против тебя!

Главарь хмыкнул, призадумавшись. В короткой тишине Орфин увидел шанс стать в его глазах человеком, а не закуской.

– Не верьте, – сказал он желчно. – Для стройки Приюту нужно больше леты, а не меньше. Чтоб рабы не роптали.

Стилет с прищуром покосился на него, немного удивленный, словно вовсе забыл о его присутствии. Его смягчившийся было взгляд снова заледенел и пробуравил Макса.

– Д-да кого ты слушаешь! – залепетал тот. – Да я никогда бы!..

– Заткнись. Я давно знал, что ты барыжишь на сторону – ладно. Но теперь ты зарвался.

– Я правда не!..

Не дав договорить, Стилет вонзил двузубец ему в шею. Орфин окостенел, потрясенный внезапной жестокостью. Макс трепыхался, как рыба на вертеле. Его глаза остекленели, рот исказила гримаса. С едва слышным свистом память перетекала из него в стальную руку ловчего.

Секунды тянулись одна за другой, поразительно длинные. Орфин с ужасом и виной ждал, что Макс развеется пургой, но в последний миг Стилет дал парню сползти по лезвиям и упасть, а затем подал знак громилам:

– Вниз его.

Он обтер двузубец о джинсы и повернулся к Орфину.

– Так-так... И что же нам делать с тобой? – нараспев произнес он, и в глазах зажегся хищный огонек.

– Стой!.. Я... – он попытался судорожно придумать, что могло бы остановить банду, но в голове звучал статический шум. Он мог лишь сделать последнюю отчаянную ставку. – Мне нужно встретиться с Гарпией, – выпалил он. – Она меня звала!

– Неужто? – Стилет ухмыльнулся. – И зачем, интересно?

– Нам просто нужно поговорить. Не верите – ее спросите. Вам же это ничего не стоит!

– Впервые на моей памяти кто-то сам просится к гарпии, – он недобро рассмеялся. – Ну, пошли. Мне даже интересно на это посмотреть.

Орфин медленно выдохнул, пытаясь унять дрожь. Сработало? Неужели он правда вот-вот увидится с ней?..

Они поднялись по железной лестнице на открытую бетонную площадку под серым небом. Здесь слышался взрывной смех, и выли ветра. Пятеро фантомов сидели на блоках прессованной пурги и перебрасывались грубыми шутками, оглашая двор гоготом. Трое мужиков в кожанках, субтильная девица с бритым черепом и... Рита. Теперь-то он точно узнал ее – вот она, во плоти. В расстегнутой косухе, вызывающе открытой майке и рваных джинсах – сидит на высоком бетонном обломке, нахально вскинулась, как ворона, ехидно кривит губы. Злая – ну так ей есть на что злиться. Смотрится среди окружающих бандитов как родная.

Внутренний голос Орфина присвистнул и начал запоздало бить тревогу: «А чего ты ждал? Ты знал, что она – одна из них. Ты видел, что они творили!»

– Эй, Тис! – окликнул девушку Стилет. – Знаешь этого парня? – он панибратски закинул руку Орфину на плечо, отчего его снова обдало холодом.

Рита подняла взгляд. Орфин не смог прочесть в нём ровным счетом ничего.

– А что? – спросила она бесстрастно, разглядывая Орфина.

Ноги стали как ватные. Вот он – момент, за которым ты гнался! Ну же!

– Рита?..

«Что же сказать ей? Искал ее, чтоб помочь, но, похоже, это ты нуждаешься в помощи. Она-то отлично устроилась...»

– У тебя всё хорошо? – выдавил он.

Девушка вскинула бровь.

Какой холодный прием. Она даже не пособолезновала, что он умер, не удивилась.

– Ты очень злишься на меня, да?

Всё вокруг словно занавесило туманом, и Орфин поддался иллюзии, будто кроме них двоих в дворике никого нет.

– А должна? Ребят, кто это вообще?

Она окинула взглядом приятелей, и дымка уединения развеялась, будто по ней махнули рукой.

– Говорил, что твой кореш, – сухо ответил Стилет.

Рита самую малость изменилась в лице, и от этого неувливаемого движения Орфина прошибло ужасом.

– Рита, пожалуйста.

– Меня зовут Тисифона, минор.

– Скажи, что ты помнишь меня!

Вокруг раздался смех, и Орфина опалило стыдом и страхом. Пару секунд Рита смотрела озадаченно и растеряно, но бритоголовая девица вдруг пихнула ее локтем и визгливо воскликнула:

– Тис, да у тебя поклонник!

– Точняк! Ты гляди какой! – присоединился один из фантомов.

Гарпия глянула на смеющихся и вдруг ухмыльнулась.

– Ну, скажу «помню», – ответила она недобро. – И что? Ты знаешь хоть, кто я? Правда меня искал?

– Так ты меня узнаешь или?..

– О, я знаю! – выпалила соседка Риты. – Он, короче, твой потерянный в младенчестве брат, который всю жизнь и коду тебя искал!

Фантомы тут же развили тему.

– И хочет трахнуть!

– Ага!

– Вот ты больной ублюдок!

Орфин на миг зажмурился. На него словно выплеснули ведро помоев.

«Да покажи ты зубы наконец!» – рявкнул внутренний голос. Орфин шагнул к Рите вплотную и поймал ее взгляд.

– Хватит дурачиться! Я же вижу, что это ты! Мы должны поговорить как взрослые люди!

Гарпия громко захохотала и оттолкнула его ногой. Орфин едва удержал равновесие и ошеломленно уставился на нее. Серьезно – она его пнула?

Но Рита уже смотрела по сторонам. Вот, значит, как – играет на публику? Что ж, остается ответить ей тем же.

– Смотрю, ты наконец нашла себе сутенера! – рявкнул он так, чтоб все слышали. – Давно пора! А то всё жениха ловила, как последняя лимита!

Усмешка на ее губах превратилась в оскал. Не успел Орфин опомниться, как гарпия соскочила с места и залепила ему хлесткую пощечину – такую, что чуть шею не свернула.

Вокруг хлопали и улюлюкали.

– Так его, Тис!

– А потом пустим на кино!

– Там и про тебя будет, Тиси, да? – один из фантомов похабно ухмыльнулся.

– Нашел кому верить, дебил! Я никогда не жила в Бытом!

– Ха, да, ты дьявольское порождение Пурги, мы в курсе!

– Всегда знал, что ты шлюшка, Тиси! – подлил масла Стилет.

Глаза Риты округлились, когда она поняла, что теперь смеются над ней. Она свирепо обернулась к толпе, и грива кудрей взвилась, как искры над пламенем.

– Заткнитесь!

– Слушай, теперь ясно, почему она ни хрена не рассказывает!

– Дело раскрыто, братан!

Банда продолжала потешаться над гарпией, и та постепенно бледнела от ярости. Орфина уколола жалость к ней: он ясно видел беспомощную ранимость за этой агрессией. Но дело сделано, провокация сработала, и теперь нужно было воспользоваться ситуацией, просто чтоб выжить. Он отступил к краю людского круга, надеясь остаться незамеченным. Но кто-то со смехом небрежно толкнул его обратно в центр двора.

– Ладно, мужики, хорош, – наконец вмешался Стилет. Он поднялся с бетонной скамьи и сделал умиротворяющий жест рукой. Гомон неохотно стих. – Ну, – обратился главарь к Рите, – вопрос, по ходу, исчерпан. Мерси за цирк, это было отменно.

Она глядела на него, сжав зубы.

– Я его забираю, – процедила она.

– С чего бы?

– Не смей мне мешать! Он должен ответить!

– Ух! – Стилет рассмеялся. – Подумай, он мог бы обеспечить нам отменное кино. Как раз то, что ты ищешь.

Девушка резко мотнула головой.

– Ладно, Тиси, развлекайся. Но будешь должна! Да, и возвращай, если от него что останется.

Последние слова выбили из груди остаток надежды.

Девушка сделала шаг вперед, запрокинула голову, и вокруг ее лица сомкнулась маска в виде огромного птичьего клюва. Второй шаг – и за спиной с хлопком раскинулись темные орлиные крылья. Вместо третьего она оттолкнулась от пола и, взмыв, целиком обернулась чудовищной птицей. Растопыренные когти на чешуйчатых лапах неслись на Орфина.

Он нырнул вниз, пытаясь уйти от удара, но слишком поздно. Костяные крюки впились ему под ключицы и стали погружаться в плоть – всё глубже и глубже, как вилка в мясо. Орфин закричал. С каждой секундой боль нарастала.

Внезапно гарпия взмахнула крыльями, и ее когти дернулись внутри ран. Орфин отчаянно пытался ее сбросить, вырваться, но не мог. Его потянуло вверх, оторвало от земли, и он повис на когтях. От оглушительной боли он на мгновение провалился в обморок, но от нее же сразу пришел в себя. Чтоб хоть как-то смягчить эту пытку, вцепился кулаками в птичьи лапы, перенес на них часть веса, но плечи и грудь всё равно пылали. Казалось, сквозь эти раны утекает сама его сущность.

Гарпия несла его куда-то высоко над островами. Пурга царапала кожу. Орфин дышал мелко и часто от боли, и каждую секунду молился: пусть это кончится! Скоро она отпустит его. Притащит, куда хотела, и отпустит! Но мучительный полет длился и длился. И безысходность холодным ужасом разливалась по жилам.

сентябрь 2015

– Сегодня ей бы исполнилось двадцать два.

– Что ты собирался подарить?

Орфин отвел взгляд. Ему вдруг показалось, что из ночного окна на него смотрит призрак. Он вздрогнул и лишь потом понял, что это его собственное отражение. Едва себя узнал. Он выглядел так, будто неделю не спал и не ел – впалые щёки, темные круги глазниц, словно у черепа. Кажется, даже радужки глаз малость обесцветились от того, как долго он сидел в полумраке занавешенных комнат.

– Я... не думал об этом тогда. Сейчас – фотоаппарат, зеркалку, – он назвал модель. – Ей бы понравилось. Правда, сейчас ей муж что угодно может купить. Мог бы, – Орфин шепотом выругался и уронил голову. Вместо речи изо рта шла какая-то белиберда. – Вот какой смысл теперь подбирать подарок? – горько спросил он.

– Закрывать свой внутренний долг перед ней. Ты написал прощальное письмо? – мягко спросила Медеш, делая пометку в журнале.

– Да... Но это не помогает.

Орфин никогда не ждал заботы от этой женщины. Напротив – думал, она выставит его, как только узнает, насколько его подкосила смерть клиентки. Вместо этого Медеш, мало того что помогла ему с алиби, так еще и сама взялась за его терапию. Тронутый ее участием, Орфин честно старался перебороть свою подавленность.

На первом сеансе, когда он совсем не находил себе места, он рассказал начальнице куда больше подробностей о Рите, чем хотел бы. Но Медеш и не подумала отчитывать его. Сейчас, спустя месяц, благодаря их встречам ему было уже гораздо легче, но осталась одна тревожная проблема. Призрак. Он видел напоминания о покойнице всюду: любая тень, любая незнакомка казались ею.

Медеш докуривала сигарету, и ее кончик светился рыжей точкой в полумраке. Когда они начали разговор, еще был закат, и кабинет заливало его зарево. Но темнота опустилась удивительно быстро. Пора включить свет, но Орфин не мог заставить себя пошевелиться.

Наконец Медеш затушила окурок в пепельнице.

– Ты видишь ее сейчас?

Орфин настороженно посмотрел в углы комнаты. В дальнем из них скрутилась тень, которую можно было принять за сидящего человека. Или ее отбрасывал цветок на окне?

– Не уверен, – в последнее время он не узнавал собственный голос, тот казался стариковским.

Тень вдруг пошевелилась, словно поднимая кудрявую голову.

– Д-да, она здесь.

Медеш вздохнула, достала листок с ручкой и написала адрес.

– Я дам тебе странный совет, милый мой. Попробуй обратиться вот сюда, – она вручила ему бумажку.

– Что там?

– Не лечебница, не бойся. Одна чудаковатая дама, которая считает себя медиумом. Возможно, участие в ее ритуале поможет твоей психике освободиться от призрака.

Орфин нахмурился, неподвижно глядя в листок.

– Экстрасенсы?

– Помнишь, как у Юнга? Иногда нужно обратиться к языку символов, чтоб достучаться до разума.

– Но ведь я не верю...

Медеш лишь пожала плечами.

Через три дня он и впрямь отправился по адресу. Долго блуждал среди беспорядочных полузаброшенных зданий в поисках нужного подъезда, и тревога всё нарастала. В голову закрался нелепый страх, что Медеш заманила его в ловушку, и здесь, среди узких переулков, его схватят и потащат в подвал. Он ведь стал для нее бесполезен.

Что должно случиться в подвале, он придумать не успел, потому что наконец нашел нужный подъезд. Это оказался цветочный магазин, и его зеленая витрина выглядела оазисом среди запустения старого района. Стоило удивиться, но Орфину было почти всё равно.

Внутри благоухало свежестью и весной. Он замер у букетов. Может, отнести один из них на могилу?..

– Для живых или для мертвых? – спросил мягкий голос из глубины зала. – Я могу тебе помочь.

Сквозь пелену боли Орфин увидел внизу гигантский буро-красный кокон из нервов, сосудов и костей. Нагромождение переплетенных пульсирующих внутренностей высотой с пятиэтажный дом и формой как пчелиный улей. Он становился всё ближе. Гарпия снижалась, и вот ноги Орфина коснулись чудовищного острова, и когти с влажным звуком вышли из его ран. Он рухнул на переплетение искореженных организмов. Ладонь с чавком влипла в раздувшийся желтоватый отросток, и Орфина обдало густой табачной вонью, и перед глазами возникло раскрасневшееся лицо с капиллярами на носу.

Едва он отделался от наваждения, как вдруг начал задыхаться, точно захлебываясь водой. Раздался пронзительный детский крик... в нос ударил едкий запах химии...

Умом Орфин понимал, что его накрыло волной наваждений. Он провалился в калейдоскоп безумных образов – бессвязных, но пугающе убедительных. Его кидало между ними, как шарик для пинг-понга. Реальный мир померк, погрязнув в мешанине кошмаров. Впрочем, разве Пурга – не один из них?

Хоть секунду покоя... хватит...

Лица чумазных озлобленных мальчишек – вас нет!

Ливень, струями протекающий за шиворот – тебя нет!

Орфин начал отбиваться от шквала фантомов. Накатывали всё новые, но он упорно выворачивал мысленный штурвал, направляя судно разума прочь из водоворота. Шло туго, но постепенно иллюзии померкли – и он вернулся в реальность. В плечах и груди пульсировала резкая боль.

– ...вопрос слышал?!

Орфин моргнул.

Над ним возвышались две фигуры: Рита с клювом, но без крыльев, и некто с чешуйчатым зеркалом вместо лица.

– Назови свою касту, – велел бесстрастный хрипловато-свистящий голос.

– К-касту?

– Что у тебя за талант?

Совладав с паникой, Орфин нашелся с ответом:

– Я зодчий.

– Докажи.

Он хотел приподняться на локте, но тело взорвалось болью. Двое в масках просто наблюдали сверху.

Проклятье! Он должен как-то выпутаться из этой передрыги. Ведь должен!

Собравшись с духом, Орфин перекатился на спину и рывком сел. Вокруг, оседая на буграх из плоти и снова взлетая, клубилась пурга. Орфин поймал горсть, сжал в кулаке и медленно поднес к сердцу. Что-то из нагрудного кармана незаметно скользнуло ему в пальцы, а песок тонкой струйкой высыпался. Когда он раскрыл ладонь перед судьями, на ней вместо серого порошка лежало перо.

Человек в зеркальной маске сдержанно кивнул и подал Рите непонятный знак пальцами.
– Я отведу его сразу к хозяйке, – ответила она.

Призрак едва заметно дернул плечом и ушел в направлении «улья».

Проводив его взглядом, Орфин обернулся к гарпии. Маски на ней уже не было. Только веснушчатое лицо, при виде которого его обожгло обидой и злобой. За что?! Он бы пошел с ней по доброй воле! Зачем!

Девушка опустилась на костяной выступ рядом с ним. Ничего птичьего в облике не осталось, лишь несколько перьев блестели в волосах. В остальном она была точь-в-точь как та, кого он помнил и за кем гнался... хотя, нет. Было еще одно отличие. Глаза. У Риты они были темно-карие, почти черные. У существа перед ним – пронзительные желто-рыжие, с масляными точками зрачков.

Незнакомка подала голос:

– Так что ты... помнишь обо мне? – она звучала чуть хрипло, словно сама не ожидала, что это спросит.

Он помнил сотни разговоров и тысячи недомолвок, но всё это она только что перечеркнула своей жестокостью. Неужели она правда его забыла? Превратилась в эту тварь? Орфин смотрел на нее и чувствовал боль, а не узнавание. Преодолевал так много ради нее, но всё, что получил – это унижения и тычки. Она обращалась с ним как с забавной добычей. Думать о том, что девушка перед ним – правда Рита, было слишком больно. Нет. Это чудовище – кто-то другой. И будь она проклята!

– Я обознался, – горько отрезал он.

Губы гарпии дрогнули.

– Конечно.

Она отвернулась, взмахнув кудрями, и уставилась вдаль.

– Ты просто жалкий дурак, да? Сам искал встречи со мной? – она сжала губы, – Настолько смешно, что даже трогательно... Эх, ладно! – хлопнув себя по коленям, она встала. – Отдам тебя госпоже, и дело с концом!

– П-постой! Что это значит? – Орфин затравленно глянул на кровавый кокон. – Зачем ты притащила меня сюда? Что это за место? Кто твоя госпожа?

– Тебе не кажется, что поздно уже для вопросов? Вставай! Или хочешь еще полетать?!

Его передернуло, и он быстро поднялся на ноги. Раны под ключицами отозвались болью на движение.

– Какая разница, какой я касты?

– Для тебя уже в принципе никакой. Так, формальности. Пошли.

Он мог бы броситься прочь от нее в отчаянной попытке спастись, но куда бежать? Вокруг сплошь эти психоделические корни, а за ними пропасть. К тому же она схватит его, как пить дать схватит! Он не мог представить развитие событий, в котором ему удавалось бы уйти от лютых когтей.

Оставалась единственная надежда, как избежать участи, на которую гарпия прозрачно намекала.

– Рита, пожалуйста, дай мне уйти!

– Меня зовут Тисифона, придурок, – она слегка толкнула его под лопатки.

Входная арка кокона поглотила их подобно разинутой пасти, и Орфин оказался в высоком коридоре, сплетенном из внутренностей. Каждый сосуд, каждая кость, на которые он ступал, щелкали его разум чужеродной эмоцией, запахом или образом – и вместе они

сливались в вопящую какофонию бреда. Это напоминало обрывочный сон в лихорадке. На несколько мгновений проваливаешься в видения, судорожно выныриваешь из них, снова тонешь.

Орфин шагнул перед гарпией, перекрестив руки на груди, сжав пальцами плечи, словно это хоть как-то могло защитить теперь. Вокруг металась обрывки галлюцинаций. Лабиринт из внутренностей, петляя, вывел в широкий алый зал. По его стенам расползлись внутренности гиганта, с потолка свисала огромная костяная люстра. В воздухе вместо пыли витала алая взвесь, точно бисерные частицы крови. Голые мускулы тянулись колоннами вверх, их волокна неритмично сокращались. По углам блестели груды жира. Сетки нервов расходились повсюду и подрагивали в ожидании прикосновения.

От ужаса и отвращения перехватило горло. Будь он живым, точно бы вырвало – а так он лишь давился кашлем. Хотел зажмуриться, забыться, но Тисифона снова толкнула его, на этот раз сильно, заставив опуститься на колени. Пол, сплетенный из кровавых корней, беспокойно зашевелился под ним, и тяжелый шмат мяса оковами лег на голени. От его прикосновения разум овеяло душным жаром и запахом толпы.

– Не сопротивляйся, – шепотом напутствовала гарпия. – Так будет легче, – и исчезла позади.

Как же он ненавидел ее в этот момент. В ушах звенели отголоски кошмаров, а горло свербело от рвотных позывов. Но что дальше?.. Выкачают память, как водится в Пурге? Или что похуже? Подлое воображение рисовало картины того, как Орфин сам становится частью этого жуткого месива плоти. Какой жалкий и беспощадный финал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5r2>